

РФ ДВ9

Н-61

НИЗОВЬЯ АМУРА

НАКАНУНЕ ЭВАКУАЦИИ.

(По материалам правительственной экспедиции
и корреспонденциям газеты „Вехи“).

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Г. В. ГОНЧАР.

=====
БИБЛИОТЕКА

ХАБАРОВСК. КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

ХАБАРОВСК.

Электро-типография т-ва „Приамурье“.
1922.

91(57-3)

р. р. к. з (Хабар)

НИЗОВЬЯ АМУРА

11-61.

НАКАНУНЕ ЭВАКУАЦИИ.

65324

1950 г.

(По материалам правительственной экспедиции и корреспонденциям газеты „Вехи“).

375861 ✓

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Г. В. ГОНЧАР.

БИБЛИОТЕКА

Хабаровская
Краевая научная
библиотека

ХАБАРОВСК. КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

ХАБАРОВСК.

Электро-типография т-ва „Приамурье“.
1922.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

ород Николаевск и низовья Амура переживают важный момент. Готовится освобождение этой местности от чужеземного владычества и воссоединение ее с Россией. Является поэтому полезным и своевременным запечатлеть ту обстановку и те условия, при которых наступает этот исторический момент.

Известие о решении Японии эвакуировать Николаевск вызвало тревогу среди его жителей, у которых возникло опасение, что после ухода японцев и до появления русской власти может наступить период анархии со всеми ее последствиями. Под влиянием таких настроений группа наиболее зажиточных граждан Николаевска командировала в Хабаровск своих представителей в лице коммерсанта Т. Ф. Фреймана и старожилы Николаевска, японского торгово-промышленного деятеля П. Н. Симада, к которым присоединился доверенный торг. дома Люри С. Л. Файнберг, в целях выяснения намерений правительства ДВР и областной власти Приамурья по отношению к Николаевску, в связи с предстоящей эвакуацией, а также изучения положения в самом Хабаровске в смысле режима, которому предстоит подчиниться и Николаевску.

Присылка этих представителей вызвала переговоры Приамурского областного эmissара В. А. Масленникова с Читой, в результате чего была снаряжена экспедиция в Николаевск из представителей ведомств для изучения на месте создавшихся условий и оказания русским гражданам Николаевска моральной поддержки, а также для образования из местных людей временного комитета, в задачи которого входило бы представительство интересов

русского населения перед японской администрацией и подготовительная работа по переходу власти к ДВР, приемка от японцев русского государственного, городского и частного имущества, которым они распоряжались в период оккупации Николаевска, и проч.

В состав экспедиции вошли представители: эmissарията—секретарь областного эmissара К. А. Рачковский, министерства народного хозяйства—уполномоченный отдела промышленности Б. А. Малиновский, министерства финансов—таможенный инспектор И. Д. Яворский, министерства транспорта—уполномоченный дирекции Амурского государственного пароходства Н. И. Киселев. Одновременно с экспедицией отправлен в Николаевск назначенный уполномоченным Приамурского областного управления по Николаевскому району Г. Я. Бурков. Обязанности секретаря делегации были возложены на Н. П. Штейнфельда, командированного в Николаевск редакцией газеты «Вехи» в качестве корреспондента.

13 августа на пароходе «Барон Корф» экспедиция выехала из Хабаровска в Николаевск.

Одновременно с нею поехал областной эmissар В. А. Масленников до пристани Киселевки, где он остался с целью обследовать на месте золотопромышленность в Удыль-Лимуринском районе. На обратном пути из Николаевска экспедиция должна была встретиться с эmissаром в Киселевке и представить ему отчет о результатах поездки и о положении Николаевского района в хозяйственном и других отношениях.

Предлагаемый читателям очерк состояния Николаевска и низовьев Амура в августе 1922 года явился отчасти сводкой материалов, добытых экспедицией или отдельными ее членами, отчасти результатом личных исследований и наблюдений корреспондента Штейнфельда.

I.

тром 15 августа пароход «Барон Корф» подошел к пристани маленького села Софийского (там при Муравьеве в 1860-х годах был военно-административный центр низовьев Амура и Софийск назывался городом). На пароход явился начальник гарнизона, толстенный похилой японский майор, в сопровождении группы офицеров и жандармов. Симада на японском языке подробно информировал майора. Затем они отправились в штаб, где привезенные экспедицией обращения областной власти и Хабаровской торгово-промышленной палаты к населению Николаевска и низовьев Амура были переведены на японский язык. В этих воззваниях разъяснялись жителям демократические основы режима ДВР, указывалось на гарантии правопорядка и свободы частной инициативы после ухода японцев и население призывалось к спокойствию. С содержанием воззваний по телефону ознакомили японское командование в Николаевске. Попутно были объяснены ему цели едущей туда экспедиции.

Тем временем на пароходе происходила проверка японскими жандармами пассажиров, для чего они обходили все каюты I и II класса и считали число пассажиров; что касается пассажиров III класса, то всех их пригласили на верхнюю палубу, выстроили шеренгами, разделили сперва по группам (мужчины и женщины отдельно), потом русских, китайцев и корейцев — тоже отдельно. Затем всех пересчитали. Документов не проверялось.

Возвратившись на пароход, Симада сообщил, что военные власти хорошо отнеслись к экспедиции, одобряют ее цели и содержание воззваний, к распространению которых не видят препятствий.

В Софийске оказались раскленными объявления командующего японскими войсками Сахалинской области от 1 августа о том, что остров Сахалин не будет эвакуирован до окончательного решения Николаевского вопроса, а потому русское население острова призывалось к спокойствию и занятию мирным трудом, при чем заявлялось, что существующий японский режим на Сахалине сохранится и впредь.

От местных жителей экспедиция узнала, что японцы привели в порядок колесную дорогу от Софийска к заливу Де-Кастри (70 верст), что предполагается при эвакуации отправить японский гарнизон этим путем, военные же грузы увезут пароходами в Николаевск, и что японцы уйдут в сентябре.

Вторая встреча с японцами состоялась в Мариинске, где на рейде стояло два японских миноносца, а утес за селом превращен в батарею. Начальником гарнизона в Мариинске оказался моряк, капитан второго ранга.

По прибытии его на пароход опять Симада в продолжительной беседе информировал капитана, после чего повторил экспедиции тоже самое, что говорил после беседы с военными властями в Софийске, прибавив к этому во-первых, что экспедиция будет рассматриваться в Николаевске, как группа частных, а не официальных лиц, во-вторых, что начальник гарнизона желал бы с ней побеседовать, но считает это по своему служебному положению неудобным.

В 12 часов дня 16 августа „Барон Корф“ прибыл на Николаевский рейд, где его продержали до прибытия японских жандармов больше двух часов. Повторилась

процедура подсчета числа пассажиров, но с той разницей, что на этот раз и пассажиров I и II классов выстроили шеренгами на палубе.

17 августа в 2 часа дня экспедиция, к которой присоединились приехавший из Благовещенска по делам службы начальник водных путей Амурского бассейна И. П. Образцов и из Хабаровска начальник Николаевской дистанции водных путей С. И. Афанасьев, а также П. Н. Сямада и Т. Ф. Фрейман, председатель Николаевского городского совета П. С. Элов и члены совета И. Д. Капанадзе и С. И. Завьялов, была принята начальником административного отдела штаба расположенной в Николаевске и низовьях Амура бригады (командовал ею генерал Сато) подполковником Такаяги.

Стоявший по распоряжению областного эmissара во главе экспедиции К. А. Рачковский через штабного переводчика выразил подполковнику удовольствие, что отношения между русскими и японскими властями улучшаются и высказал надежду что в будущем они найдут общий язык.

Такаяги ответил подобной же фразой.

Затем Рачковский объяснил, что население беспокоится тем, что при эвакуации может наступить период безвластия. Кроме того, она приурочена к окончанию навигации, что весьма затруднит снабжение населения на зиму.

На это был получен ответ, что подобные вопросы могут быть разрешены только центральными правительствами Японии и ДВР. Срок эвакуации местными японскими властям еще неизвестен, но лично Такаяги полагает, что она произойдет в конце сентября.

Рачковский заметил, что было бы желательно, чтобы власть из японских рук перешла непосредственно в русские руки.

Такаяги сказал на это, что, по его личному мнению, переход власти совершится таким путем: тотчас по уходе японцев из Софийска его занимают русские войска, также должно произойти в Мариинске и дальше вплоть до Николаевска.

Рачковский развил мысль о создании в Николаевске общественного комитета.

Такаяги заметил, что такой вопрос может быть разрешен только высшим командованием на Сахалине (генералом Мачида, штаб которого находится в гор. Александровске,) пояснив, что генерал уже извещен о прибытии экспедиции из Хабаровска и что местные японские власти ожидают оттуда подробных инструкций, лично же он считает организацию такого комитета желательной и не станет мешать подготовительным к ней работам. Но заявил, что собраний для этой цели он допустить не может, рекомендуя налаживать дело частным образом. При этом сказал, что он только что отказал в созыве общего собрания граждан Николаевска председателю комитета по восстановлению Николаевска инженеру Лебедеву.

Рачковский и представители местной общественности разъяснили подполковнику, что задания того комитета, который проектируется экспедицией, ничего общего не имеют с заданиями лебедевского комитета.

В конце беседы Рачковский просил Такаяги ускорить сношения с Александровском.

Касаясь некоторых деталей передачи власти, Такаяги спросил, кому придется передать школы, больницу и приют для проваженных, получив ответ от Рачковского, что — временному общественному комитету.

По окончании разговора Такаяги предложил гостям вино и обе стороны обменялись соответствующими тостами.

На третий день пребывания экспедиции в Николаевске явился на пароход японский коммерсант Кубо. Заявив свою лояльность ДВР, разбранив интервенцию и сообщив, что он участвует в радикальной газете «Асахи» и считается среди японцев чуть ли не большевиком, Кубо высказал от себя и от имени японских резидентов желание сблизиться с представителями ДВР. На другой день он вторично явился и сказал, что резиденты на своем собрании, состоявшемся накануне, постановили устроить банкет экспедиции в целях взаимного сближения, что сам он, Кубо, много лет проживал в Сибири и намерен остаться в Николаевске после эвакуации, как и большинство местных японских коммерсантов. Вскоре он вернулся на пароход уже вместе с вице-председателем японского коммерческого о-ва, чтобы сделать формальное приглашение на банкет, который и состоялся вечером 19 августа.

Прибывшую на банкет экспедицию первым приветствовал речью Симада. Он отметил, что в результате его поездки в Хабаровск среди японских резидентов рассеялись всякие опасения, что все они желают остаться работать на коммерческом поприще в ДВР, а потому рады видеть своих гостей и обменяться с ними мыслями.

Вице-председатель в своей речи упомянул, что купечество вообще аполитично, оно стремится только к созданию условий, обеспечивающих спокойное занятие торговлей; если со стороны Японии была сделана, быть может, ошибка (интервенция,) то не во власти японского купечества влиять на курс политики своего правительства.

Еще два оратора из японцев подчеркнули желание резидентов остаться в Николаевске и выражали уверенность, что властью ДВР будет гарантирован необходимый порядок.

От имени экспедиции Рачковский сказал, что русский народ не враждебен японскому и что правительство ДВР вовсе не желает отъезда японских коммерсантов, давая им такие же гарантии, какими пользуются по конституции граждане республики, а также китайцы и др. иностранцы.

По окончании декларативной части банкета и исполнения марсельезы (покрыта «ура» японцами) и японского гимна с соответствующими здравицами беседа перешла на практические темы, при чем И. Д. Яворский на вопросы японцев разъяснил им сущность таможенной и вообще налоговой системы в ДВР, а Б. А. Малиновский дал пояснения касательно условий разработки горных богатств и лесного экспорта, после чего группа японцев выразила намерение съездить в Хабаровск, чтобы ближе подойти к вопросу об участии японского капитала в русской промышленности.

II.

В Николаевске экспедиция узнала, что там находятся путешествующие по ДВР по поручению своего правительства вице-консул Соедин. Штатов Эдвард Броун Томас и военный агент майор Филипп Р. Файмонвилл.

Рачковский посетил их, но не застал дома. Вечером американцы отдали ему визит на нашем пароходе и имели продолжительную беседу в самом дружественном тоне.

По их просьбе Рачковский ознакомил их с целями экспедиции и создавшимся в Николаевске положением, вручив Томасу экземпляры обращений к населению.

Американцы в свою очередь поделились своими впечатлениями. Как оказалось, Файмонвилл проехал от Де-Кастри до Мариинска в лодке и на лошадях, затем на пути в Николаевск делал остановки по деревням, интересуясь настроениями русских крестьян. При этом

ему в одном селе было вручено нечто в роде декларации, где свидетельствовались симпатии сельского населения к интервентам и выражались опасения в связи с их уходом из низовьев Амура, упоминалось о скоплении шаек бандитов, готовых напасть на села и деревни по уходе японцев.

Не отрицая существования тревоги среди населения, Файмонвилл, однако, полагал, что японцы умышленно распропагандировали крестьян в данном направлении, пугая их перспективой анархии и придумывая несуществующие банды. По наблюдениям майора население тяготеет к ДВР, но боится вывить свои чувства. К американцам оно отнеслось весьма дружелюбно, возлагая на них даже преувеличенные надежды в роде того, что как только появятся американцы, то японцы тотчас начнут эвакуацию.

Японские военные власти в Николаевске отнеслись корректно к представителям Соед. Штатов, но не спускали с них глаз, выслеживая каждый шаг. Они пытались было навязать Томасу и Файмонвиллу провожатога, от которого те отказались.

Генерал Сато чествовал американцев обедом, во время которого сказал речь, где подчеркнул решение Японии эвакуировать русскую территорию, что соответствует пожеланиям Америки, а потому он выразил надежду, что Т. и Ф. отнесутся к японцам без предубеждения и объективно осветят в своих донесениях все то, что им пришлось наблюдать в районе японской оккупации.

Из Николаевска американцы отправлялись на пароходе добровольного флота «Эльдорадо» на ос. Сахалин, а оттуда во Владивосток.

Из них консул Томас должен был затем отправиться в Читу на постоянное жительство, в качестве представителя Северо-Америк. Соедин. Штатов.

На Камчатку послан американский крейсер, из чего по мнению Томаса, надо думать, что там организован представительство Штатов.

Во время визита к нам американцев в кают-компанию ввалилась группа разгуливавших по пароходу японских солдат. По ее удалении (под тем предлогом, что тут находятся официальные представители Америки) в коридоре появились два японца в штатском, которые через стеклянную дверь сфотографировали группу беседовавших делегатов из Хабаровска и американцев.

Американцы отдельно беседовали с Малиновским, у которого подробно осведомлялись об условиях импорта и экспорта через Николаевск, интересуясь, главным образом, тем, — можно ли будет получить льготы для американской торговли в виде пониженных ставок таможенных пошлин, попенных за лес и т. п.

III.

По прибытии экспедиции в Николаевск вернувшиеся туда вместе с нею Симادا, Фрейман и Файнберг ознакомили местную общественность с результатами их поездки в Хабаровск и с целями приезда представителей областного управления.

Вечером 16 августа на пароход явилась группа приглашенных ими граждан из торгово-промышленной среды, члены городского совета, представитель кооперации и группа приехавших в Николаевск по делам рыбопромышленности крестьян из ближайших волостей. Под председательством Рачковского в присутствии членов экспедиции состоялось совещание с ними.

После краткого доклада Файнберга о результатах их переговоров с областным эмиссаром Приамурья Рачковский об'яснил собранию, что стремления правительства ДВР совпадают с желаниями граждан Николаевска вве-

сти жизнь в спокойное русло. В Хабаровске это уже вполне достигнуто, что подтвердили вернувшиеся оттуда представители. Но власть ДВР ничего не может сделать до эвакуации японцев. Она даст все необходимые гарантии лишь в том случае, если смена японской власти русской властью произойдет без всякого перебоя. Пока же здесь японцы, она никаких гарантий дать не может, местное население само должно добиваться, в своих собственных интересах, чтобы не произошло перебоя. А это достижимо путем занятия немедленно тех территорий, которые будут освобождаться японцами.

Далее он просил присутствующих сказать, могут ли к этому, по их мнению, встретиться препятствия или нет?

Председатель городского совета Эпов сообщил, что он на эту тему беседовал со штабом, где ему сказали, что данный вопрос разрешится на русско-японской конференции, тогда дадут возможность к уходу японских войск сформировать городское самоуправление. Файнберг на это возразил, что конференция еще не созвана, между тем, время не терпит. Председатель совета рыбопромышленников Рубинштейн высказался за организацию намеченной экспедицией временного комитета. Член городского совета Завьялов развил эту мысль, указав на необходимость спешить с созданием комитета, потому что японцы уже ослабили надзор, появляются симптомы анархии, увеличивается преступность.

Другие ораторы также высказались в пользу организации комитета, после чего Рачковский поставил на обсуждение вопрос о его конструкции, по которому мнения разошлись. Одни стояли за образование комитета путем выборов, другие за систему делегирования.

Председатель совещания разъяснил, что путем организации правильных выборов будет впоследствии нала-

жено городское самоуправление, предусмотренное конституцией ДВР, теперь же о выборах говорить не приходится, так как, во-первых, пока здесь японцы, правительство ДВР не может принять на себя ответственность, вытекающую из создания органа городского управления, во-вторых, выборы могли бы быть произведены только с соблюдением всех требований закона, для чего нужна длительная подготовительная работа, в третьих, задания комитета особые, не совпадающие с заданиями городского управления, в четвертых, городские выборы наверно не были бы допущены японской властью. По всему этому надо сформировать комитет упрощенным способом, преследуя, главным образом, ту цель, чтобы он был работоспособен, настойчив и приемлем для японского командования.

Присутствующие присоединились к этому мнению. Собрание, согласно предложению Файнберга и Фреймана, остановилось на системе делегирования в комитет от различных групп населения, предоставив способ избрания или назначения делегатов самими этим группам.

Намечено было включить в комитет по одному представителю от крупной и мелкой рыбопромышленности, от крупной и мелкой торговли, от рабочих, от служащих, от извозчиков, от лесопромышленников, от золотопромышленников и от корейского населения и по два представителя от домовладельцев (точнее-участковладельцев, т.к. большинство их еще не застроило опустошенных пожаром в 1920 году участков,) от японского и от китайского населения. Кроме того предложено трем ближайшим к Николаевску волостям, тесно связанным с городом экономическими отношениями, послать в комитет по два представителя.

Потом выяснилось, что группа местных рабочих распадается на две, а именно, на рабочих заводских и на

рабочих водного транспорта, почему каждой из них предоставлено по одному месту в комитете.

На этом собрании присутствовал представитель японской жандармерии, который просил не касаться вопросов, которые могли бы подать повод для критики действий японской власти.

На следующий день состоялось почти в том же составе вторичное совещание (где жандарма уже не было), на котором Рачковский сообщил о результатах беседы экспедиции с начальником административного управления подполк. Такаяги, предложив представителям обществу приступить к организации комитета.

Признаки отсутствия инициативы со стороны местных общественных деятелей побудили Рачковского выступить с предложением создать инициативную группу для производства выборов в комитет. Но и тут сказались отсутствие самодеятельности. Большинство предложенных кандидатов в члены инициативной группы под разными предлогами уклонилось от возложения на них такой работы. Вместо предложенных пяти членов удалось избрать только четырех (Файнберг, Райцын, Фрейман и Севастьянов, из которых последний выговорил право, в случае своего отъезда из города, заменить себя другим лицом). От экспедиции в инициативную группу вошел Г. Я. Бурков. Потом группа кооптировала Капанадзе.

Так как в обоих совещаниях не присутствовали представители рабочих и извозчиков, то Рачковский вызвал на следующее утро к себе несколько лиц из этой среды, которые и были инструктированы касательно избрания от себя представителей в комитет.

Для процедуры выборов был назначен двухдневный срок с таким расчетом, чтобы в ближайшее время его сконструировать, дать ему директивы и начать работу.

С 21 августа события пошли ускоренным темпом. Японские резиденты проявили намерение принять во временном комитете самое энергичное участие и оказать давление на свой штаб. Японское командование пошло на уступки, получив, очевидно, от ген. Мачида с Сахалина соответствующие инструкции. Русская общественность зашевелилась. Настроение граждан стало приподнятым.

Временный комитет, в который вошли делегированные отдельными группами населения граждане, Аккерман, Бабо, Дянсючен, Ито, Иосимура, Калинин, Капанадзе, Коваленко, Круглов, Кубо, Кузмин, Люри, Порев, Прокудин, Рубинштейн, Севастьянов, Скрипка, Симада, Файнберг, Фрейман и Шеошен, имел всего одно заседание, т. к. уже 23 августа он переименовался в „Собрание уполномоченных гор. Николаевска на Амуре“, — организацию, признанную местной японской властью с обещанием санкционировать ее официально 25 августа, когда ожидался в Николаевск представитель японского генерального штаба, командированный из Токио по делам эвакуации.

Первое собрание врем. комитета было посвящено его конструированию, в частности, утверждению списка делегатов и выборам президиума. В президиум вошли М. М. Люри (председатель), Т. Ф. Фрейман (тов. председ.), С. Л. Файнберг (секретарь); В. С. Севастьянов и И. Д. Капанадзе.

В заседании врем. комитета представитель областного управления Рачковский указал, что Япония, посылая свои войска в Приамурье, декларировала защиту мирного населения. Это мирное население, включая японских резидентов, образовало представительный орган, с которым японская власть, очевидно, должна считаться. Ближайшей задачей этого органа должно быть ведение переговоров с штабом об эвакуации и об имуществах, подлежащих передаче.

Собрание уполномоченных в первом своем заседании вынесло, между прочим, следующие постановления: 1) принять на себя хозяйственные функции городского самоуправления, 2) просить японское командование передать собранию на необходимые расходы сумму в счет тех городских сборов и налогов, которые штаб собирал и расходовал.

IV.

В Николаевске верховодит и задает всему тон небольшая группа крупных рыбопромышленников, людей в большинстве достаточно интеллигентных, энергичных и шустрых, но всецело поглощенных своими личными имущественными интересами. При том все они находятся под властью японского капитала, т. к. после разгрома 1920 года они, только благодаря ему, смогли восстановить свою промышленную деятельность. По их собственным словам раньше, как года через 2-3, им никак не удастся выскользнуть из под тяжкого пресса японского капитала и самостоятельно стать на ноги.

Остальное население принадлежит к мещанской среде, в которую вкраплены небольшая кучка квалифицированных рабочих и еле заметная группа трудовой интеллигенции. Подавляющая масса рабочих, обслуживающая рыбопромышленность, является элементом подвижным и случайным; она появляется в городе лишь периодически, в начале и в конце каждого рыболовного сезона, на зиму совершенно исчезает оттуда, в период же ловли и засола рыбы находится на рыбалках, вне города.

При таких условиях среди граждан, исключая группы рыбопромышленников, нет никакой спайки. Поэтому, строго говоря, в Николаевске нет и никакой общности.

Государственной власти там не на кого опираться пока город не разовьется на почве его застройки и восстановления торговли и промышленности.

В данное время граждане пойдут, надо полагать туда, куда их поведет власть. Но сами они едва ли внесут в строительство новой жизни хоть какой нибудь свой вклад.

Полная дезорганизация общественности в Николаевске обуславливала отсутствие всяких объединяющих политических центров.

Достаточно сказать, что в городе имеется всего одна организация, именно совет рыбопромышленников, замкнутая корпорация, куда даже рыбопромышленную мелкоту пускают с большой неохотой.

Поэтому политическую физиономию отдельных группировок уловить в высшей степени трудно. А так как в условиях японской оккупации для выявления ее не было ни почвы, ни поводов, то и самые признаки политической физиономии стерлись.

Население, по сделанным экспедицией наблюдениям, приемлет ДВР не столько по политическим, сколько по практическим соображениям, т. к. оно правильно учитывает реальное соотношение сил республики и другого возможного претендента на власть, — Владивостока.

Явных черносотенцев в Николаевске, повидимому, очень немного. По крайней мере, реально они ничем себя не проявляют. Меркуловские агенты, несомненно, имелись, но их работа настолько незаметна, что никто из местных общественных деятелей не мог даже определенно указать, что тот или другой гражданин является таким агентом, исключая присланного для ликвидации Николаевского отделения Центросоюза чиновника Юрьева, как лица, командированного из Владивостока с

определенными заданиями (осуществить которые ему, впрочем, не удалось).

Приезд экспедиции пресек всякие попытки в направлении внедрения в умы николаевцев ориентации на Владивосток, если такие попытки намечались до ее приезда.

Экспедицию посещало много отдельных представителей самых различных слоев граждан в целях информации и в поисках сближения.

Кроме них являлись беженцы из ДВР, желавшие получить разрешение вернуться туда. Их просьбы в большинстве случаев удовлетворялись.

Успокоение умов наиболее наглядно выразилось в том, что на третий день по прибытии экспедиции в городе возобновилось домостроительство, совсем было остановившееся после декларации Японии об эвакуации, а наиболее панический элемент прекратил свои сборы в путь-дорогу вслед за японцами.

Своевременный приезд в Николаевск экспедиции предотвратил попытку организовать городское самоуправление в Николаевске вне всякой связи с ДВР. В день прибытия «Барона Корфа» в Николаевск, там было назначено собрание «Комитета по восстановлению Николаевска», организованного беженцем из России (в 1921 г.) инж. Лебедевым.

По словам Лебедева, посетившего экспедицию 17-го августа, этот комитет возник с целью, во-первых, изыскания способов к застройке города, опустошенного в 1920 году пожаром, во-вторых, для защиты правовых интересов русского населения, при чем он должен был выполнять функции городского самоуправления. Эти задания не подтвердили местные общественные деятели, в том числе и члены комитета, которые утверждали, что

он был создан исключительно для изыскания способов застройки города.

Но, что у Лебедева было стремление организовать общественную власть, это видно из того, что по словам некоторых из членов комитета первоначально Лебедев выступил перед гражданами Николаевска с проектом именно организации городского самоуправления, для чего созывалось общее собрание граждан, но его не разрешили японские власти, после чего Лебедев и ограничился созданием комитета. Затем сам Лебедев сообщил экспедиции, что на пути из Владивостока в Николаевск он в гор. Александровске на Сахалине был у командующего войсками оккупационной территории ген. Мачида и получил будто-бы его согласие, в связи с эвакуацией приступить к организации городского самоуправления.

Лебедев утверждал, что комитет в целом, и сам он, аполитичны и ориентации на Владивосток не имели. Лебедев не принял от Николаевска мандата в члены Приморского народного собрания и потом находившиеся во Владивостоке члены комитета с Лебедевым во главе отклонили предложение меркуловского правительства дать им место в земском собрании. Со своим проектом застройки Николаевска Лебедев, по его словам, ознакомил Читю через директора банка ДВР Берлацкого и представителя ДВР в Харбине Озорнина.

Приезд в Николаевск представителей ДВР своеобразен: всего учли те элементы, у которых трудно разобратъ, где кончается анархизм и начинается хулиганство, и—обратно. Эти элементы в довольно значительном количестве находились среди рабочих на рыбалках и состояли из подонков распущенных партизанских отрядов, из укрывшихся в японскую зону дезертиров и из близких знакомцев Хабаровского уголовно-розыскного отделе-

ния. Они под пьяную руку стали похваляться, что теперь — на их улице праздник и что по уходе японцев они вторично разгромят буржуев гор. Николаевска.

V.

Заняв Сахалинскую область, командовавший тогда японскими войсками ген. Козима издал постепенно целый кодекс правил и постановлений, регулирующих жизнь оккупированной русской территории до мельчайших подробностей, начиная политическими правами граждан и кончая случкой животных.

Как принцип, было установлено, что: 1) территория подчиняется действию законов Японской империи, 2) русское население не приравнивается по своим гражданским правам к японским подданным, а рассматривается, как население завоеванной страны, и 3) оно управляется военною властью, которой предоставлено вводить любые распоряжки.

Безправие русских граждан особенно было подчеркнуто постановлением японского командования от 30 августа 1920 г. за № 8 о так называемых карательных приговорах. Жандармерии предоставлялось постановлять такие приговора в отношении русских граждан не только без права их обжалования, но даже и без выслушания об'яснений со стороны обвиняемого. Меры наказания варьировались от штрафов не свыше 50 иен до тюремного заключения на срок до одного месяца. Осужденных, кроме того, били палками в жандармском управлении, хотя это и не было предусмотрено распоряжением ген. Козима.

Были введены особо строгие наказания за все, что могло причинить какой либо вред японским войскам. От русских требовалось беспрекословное повиновение японской власти.

Красная научная
библиотека

Целым рядом приказов и постановлений были регламентированы имущественные отношения между русскими, а также между ними и японцами. Без разрешения японской власти нельзя было ни купить или продать дом, ни приступить к застройке, ни рубить дрова в лесу, ни ловить рыбу, ни торговать, ни заниматься каким либо промыслом, ни охотиться. Получение разрешений сопровождалось долгим мытарством, унижениями перед японским канцеляристами и переводчиками и уплатой гербовых и других сборов и налогов.

Японский режим был особенно суров в первый период оккупации. Суровость его обрушивалась на Николаевск сильнее, чем на деревню. Затем, когда русские жители были приведены в состояние абсолютной покорности, то режим смягчился. Он стал еще мягче со времени Вашингтонской конференции.

Спутником гражданского гнета над русским населением явилось расхищение японцами русского добра. Японцы соорудили в Амурском лимане новые заграждения для рыбы. Это не только лишает крестьянские рыбалки выше по Амуру рыбы, но грозит тем, что недонущение в реку для метания икры может привести к вымиранию ее и к исчезновению всего нашего рыбного богатства. Японцы захватили в Николаевке все русское военное имущество и часть его перебросили уже на ос. Сахалин. Собираясь эвакуироваться, они потащили на свои транспорты все, что попадется на глаза. Ободрали, напр., медную арматуру с машин электрической станции, свезли старые медные пушки с крепости Чыырах, забрали все котлы из гэрода, сняли веде телефонную проволоку. Даже позабылись на валявшиеся на местах разрушенных домов нестерраемые кассы, большей частью поврежденные, т. е. поджигатели предварительно их разбивали и опустошали.

Японский режим давил русских граждан, главным образом, морально. Он давил их, как политическая система, планомерно проводившаяся сверху. Отдельные же агенты власти мало владывали своего в дело угнетения русских людей. Случаи, напр., насилий со стороны японских солдат бывали довольно редко и почти всегда по пьяной лавочке. Солдатская масса относилась к населению, в общем, с добродушием, офицерство — высокомерно.

Вскоре после занятия Сахалинской области японцы признали полезным создать из местных жителей органы, которые облегчили бы японской военной администрации управление и сношение по общественным делам с русскими гражданами в их массе. Было издано постановление о городских советах и институте старшин в сельских местностях, тех и других — по назначению.

В Николаевске образовали городской совет. Наша экспедиция застала его в составе председателя Эпова и членов Капанадзе, Фреймана и Завьялова. По деревням были назначены старшины. Труд всех их не оплачивался, им не отводилось для занятий особых помещений и не придавалась канцелярий.

Роль городского совета в Николаевске сводилась к тому, чтобы быть совещательным органом при начальнике административного отдела штаба и исполнять его поручения.

При таких условиях совет в лучшем случае мог быть выразителем тех или иных пожеланий русского населения, но никоим образом не защитником его интересов. Тем не менее, граждане, по отсутствию другого органа представительства ценили и совет, как объединяющий русский центр. Однако были и нарекания на него за то, что более влиятельные члены совета злоупотребляли своей близостью к японской власти, извлекая из этого

личные выгоды при раздаче рыбалок, участков для застроек и лавок в торговых рядах.

Реальной властью городской совет располагал лишь с ноября 1920 года по май 1921 года, когда японский гарнизон зимовал на Сахалине, поручив управление Николаевском до своего возвращения совету.

Активно совет выступал всего один раз, когда партизан Бойко Павлов, перед возвращением японцев с Сахалина весной 1921 г., намеревался занять своим отрядом, под видом милиции ДВР, Николаевск. Председатель совета Эпов наскоро вооружил, чем попало, граждан и воспрепятствовал высадке.

Объективной оценки японского режима, как оказалось, можно меньше всего ждать от местного населения в силу того, что после Треницына всякий режим мог казаться мягким. Именно такое сравнение и легло в основу отношения русского населения к японской системе управления.

Но и японцы, в свою очередь, делали шаги к тому, чтобы привлечь симпатии русских. Вероятно, их к этому побуждали мечты о присоединении Приморья к Японии.

Они практиковали, напр., откровенную систему подкупа крестьян. Японцы, не торгуясь, платили крестьянам за дрова и сено, за мясо, яйца, куриц, молоко и все прочее для войск гораздо дороже рыночных цен, иногда даже вдвое и втрое (за сено, напр., 90 к. пуд. вместо обычных 30).

Группу крупных русских рыбопромышленников и лесопромышленников в Николаевске японцы спасли от неминуемого разорения, дав ей возможность восстановить предприятия. Правда, львиную долю барышей японский капитал забирает себе, но дает возможность работать и русским промышленникам, а около них нашли себе заработок сотни постоянных жителей Николаевска.

Японцы обеспечили Николаевску медицинскую помощь, поддержали школу и беспощадно расправлялись с преступным элементом, что привело к почти полному искоренению преступности. До скопления большого числа пришедшего элемента на рыбалках летом 1922 года в Николаевске на базаре товары на ночь не убирались из открытых лавок и было достаточно двух ночных сторожей на 200 лавок, чтобы не случалось, по словам торговцев, никаких краж,—так велик был страх местного жулья перед японскими жандармами.

За все это местные жители многое прощали японцам и было бы большой натяжкой сказать, что местное население, в его массе, настроилось против оккупации враждебно. Психология города, пережившего погром, сыграла в этом отношении огромную роль.

В отдельных случаях возмущенное национальное чувство и боязнь за будущность русской окраины уступали место животному инстинкту самосохранения и люди были готовы бежать куда угодно вслед за японцами. Группа из 79 зажиточных крестьянских семей собиралась в случае эвакуации переселяться на о. Сахалин, где Япония предлагала свое гостеприимство вообще всем русским беженцами из низовьев Амура. Этот факт установлен документально. В Николаевске, по слухам, собирались вслед за японцами уехать лишь отдельные лица и семьи. Всем беженцам японцы обещали бесплатный проезд и предоставляли два парохода для перевозки на Сахалин.

Во время поездки в Николаевск правительственной экспедиции из Хабаровска (13—27 августа) вооруженные силы Японии в низовьях Амура заключались в сводной бригаде сухопутных войск из разных родов оружия, в отряде военных судов и в жандармерии.

Всеми японскими войсками командовал генерал-майор Сато, штаб которого находился в Николаевске. На-

чальником штаба у него состоял капитан Ито (генерального штаба).

Главные силы были сосредоточены в Николаевске, отдельные же части расположились в крепости Чныррах и в селах Софийском, Маринском и Больше-Михайловском, а небольшие посты были выдвинуты дальше за Софийск, в устье Амгуви и к Амурскому лиману.

В Софийске занятые японскими войсками дома были окружены колючей проволокой, церковь — мешками с землей, а против нее, на площади, сооружен блиндаж.

На утесе в конце села Маринского была устроена батарея.

Приходилось видеть строевые занятия японской пехоты и упражнения с пулеметами, а также с бомбометом.

Конницы нашей экспедиции нигде видеть не случилось. Если в Николаевске и встречались изредка всадники, то они были в форме пехотинцев или артиллеристов.

Жандармерия выполняла функции обще полицейские, исключая ночных патрулей, которые наряжались от пехотных частей, а не из жандармов.

Военный японский флот состоял из одного крейсера, стоявшего на рейде Николаевска, трех миноносцев (один тоже на рейде, а два в Амуре против села Маринского), и одной русской канонерки «Вотяк» под японским флагом, которая стояла у пристани в Николаевске.

Другая наша канонерка „Шквал“ уведена японцами на Сахалин. Такая же участь приготовлялась, очевидно, и „Вотяку“, борта которого были увеличены в вышину, путем пришивки досок, для морского перехода. Эти доски японцы закрашивали под цвет канонерки на глазах пассажиров парохода „Барон Корф“, стоявшего у пристани в Николаевске рядом с «Вотяком».

Русский пароход «Сильный» (невооруженный) стоял там же под японским флагом, имея команду из моряков японского военного флота.

VI

Японские деньги и японскую финансовую политику следует рассматривать, как вспомогательные средства для порабощения оккупированной русской территории. Япония была, что называется, «и дубьем, и рублем».

В период оккупации в Николаевске и его районе основной денежной единицей стала японская иена, а основным денежным знаком—банкноты корейского колониального банка (Чосен банк) в иенах, купюрами в 100, 10, 5 и 1 иену и в 50, 20 и 10 сен.

По своему курсу иена в Николаевске приравнивалась к рублю золотом и к трем рублям разменной русской серебряной монеты, а не к 2 руб. 50 коп., как в Хабаровске или во Владивостоке.

Золотой русской монеты в обращении почти не встречалось.

Русская полноценная серебряная монета в 1 р. и в 50 к. ходила наравне и паритетно с японской валютой.

Китайские деньги—серебряные доллары (даяны) и кредитки обращались лишь между китайцами и приезжими харбинскими торговцами.

Русское разменное серебро и китайские деньги неохотно принимались местными жителями, особенно японцами.

При миллионных торговых оборотах с рыбой, а также и с другими товарами, японцы не озаботились, однако, открытием в Николаевске хотя бы одного своего банка. Этот факт тем удивительнее, что в период интервенции Чосен банк всюду следовал за японскими войсками; его отделения существовали в Чите и на ст. Маньч-

журни. На о. Сахалине Чосен банк открыл отделение тотчас после прихода войск.

Надо поэтому предполагать, что были особые причины, побудившие японское правительство оставить Николаевск без кредитного учреждения.

Но в результате получилось то, что всю торговлю и все денежные расчеты пришлось вести на наличные. Это создало для денежного обращения большие затруднения, требуя для торгового оборота огромного количества денежных знаков.

Возьмем хотя бы рыбный промысел. На рыбалках занято было в сезон 1922 года до 12 тыс. рабочих и служащих на 4 месяца с жалованием, в среднем, 50 иен в месяц. Для расплаты с ними требовалось, значит, 2.400.000 иен. Нужно было купить соли на 600—700 тыс. иен и затратить на оборудавание рыбалок, на ремонт катеров и шаланд, на топливо для катеров и др. материалы еще 300—400 тыс. иен. Всего же для финансирования одной только рыбопромышленности надо было иметь около $3\frac{1}{2}$ мил. иен наличными деньгами.

Будь в Николаевске банк, — нужда в денежных знаках уменьшилась бы в несколько раз, т. е. соль купили бы в кредит, большая часть уплаты рабочим была бы произведена купленными тоже в кредит продуктами, одеждой и обувью, а расчеты с банком были бы потом произведены почти без участия денежных знаков после продажи рыбы, путем переводов, путем учета покупательских векселей и т. п.

В прежнее время, когда банковский аппарат обслуживал промышленность и торговлю, считалось достаточным иметь денежных знаков на 3 мил. руб., чтобы заполнять канал денежного обращения на территории всего Приамурского генерал-губернаторства. А при со-

здавшихся в Николаевске условиях ему одному такой суммы мало.

Искусственно созданная отсутствием банков нужда в денежных знаках толкнула николаевцев на путь меновой торговли, которая получила широкое развитие.

Меняли бревна на невода и соль, овес на икру, рыбу на хлеб, на доски, на мясо и т. п. Всякий товар шел гораздо бойчее, если предлагался не за валюту, а на обмен.

Кредит у частных лиц и фирм был почти недоступен опять таки в силу недостатка свободных денежных знаков. Кредитовали лишь скупщики рыбы своих постоянных поставщиков, да и то не деньгами, а солью и неводами.

Магазины, лавки и базар с'естных припасов пополнялись товарами, приобретенными исключительно за наличные деньги или путем обмена, почему и они, в свою очередь, не допускали никакого кредита своим покупателям.

Недаром представители местной торговли высказали единодушное пожелание, чтобы после эвакуации в Николаевске был открыт русский банк.

Тактику японцев, искусственно создавших невероятные стеснения для денежного обращения, можно объяснить разве тем, что они не желали допустить через открытие банков в Николаевске таких условий, которые позволяли бы русским промышленникам и торговцам стать самостоятельно на ноги, опираясь на банковский кредит, и чтобы этим путем русское купечество крепче держать в кабале у японского капитала.

Сами то японские дельцы в Николаевске, начиная с Симата, несомненно, пользовались широкой поддержкой японских кредитных учреждений и в числе их, быть может, того же Чосен банка. Но это делалось негласно.

Иначе, без такой поддержки, напр., у Симада, конечно, нехватало бы собственных капиталов, чтобы финансировать сразу десятки русских и японских предприятий.

Он был в 1920 г. почти разорен и ни в коем случае не мог бы снова столь быстро накопить капиталы, чтобы развить так широко свое финансовое влияние.

Японские оккупационные власти относились к Симада не совсем доверчиво, как к черезчур обрусевшему японцу; зато для проведения финансовых мероприятий, направленных к закреплению японского влияния, Симада считается человеком незаменимым. Он, в свою очередь, делал все, чтобы оправдать такую репутацию, заняв положение финансового царька в Николаевске.

VII.

Летом 1919 года по соглашению иностранных держав была осуществлена ими интервенция важнейших городов сибирской железнодорожной магистрали. Япония пошла дальше, заняв своими войсками также и водную магистраль Амура. В Николаевске был оставлен на зиму 1919—1920 года японский гарнизон. Партизанский отряд Тряпицына в марте 1920 г. уничтожил этот гарнизон, при чем погибли и все проживавшие в Николаевске японские резиденты. С открытием навигации Япония грозила двинуть туда большие силы, Тряпицыну пришлось уходить. При оставлении в мае месяце Николаевска он сжег город. Уцелели случайно один квартал и десятка два отдельных жилых зданий в различных частях города, торговые ряды, ремесленное училище с флигелями, тюрьма, городская пристань и все пакгаузы вдоль берега, исключая пристани Амурск. о-ва парох. и торговли на Кошке, где огнем уничтожено все.

До погрома, по плану города, в нем числилось около

160 кварталов различных размеров (из них было застроено 130). Жилых домов имелось 920—950.

Ко времени приезда в Николаевск экспедиции жилых домов в городе было до 300 и в периоде постройки около 100. Но, во-первых, застраивалась преимущественно беднейшая восточная (мещанская) часть города, тогда как кварталы, где раньше были дома наиболее зажиточных граждан, учреждения, магазины и конторы в августе 1922 года еще пустовали; во-вторых, новые постройки возводились в подавляющем большинстве мизерные против старых; в третьих, почти все они носили временный тип (из досок и брусьев), т. е. в будущем предстоит заменить их более солидными и снова нести затраты на домостроительство; в четвертых, город лишился электрической станции, а вместе с нею света, энергии и телефона, а торговые ряды, заменившие собой уничтоженные магазины, совершенно не приспособлены для зимнего времени.

При таких условиях вопрос о застройке Николаевска остается пока открытым. Он усложняется еще следующим приводящим обстоятельством. Местные капиталисты принадлежат к числу, главным образом, рыбопромышленников. (После погрома Николаевска они привыкли зимовать с семьями в Япсии, куда их влекут денежные дела.) Если они и дальше станут приезжать в Николаевск только на рыбный сезон, то не будут, очевидно, и строиться. В результате город лишится наиболее зажиточной части домовладельцев и некому тогда будет застраивать лучшие кварталы.

Инженер Лебедев, инициатор комитета по застройке города, уверял экспедицию, что попытки комитета привлечь к этому делу иностранный капитал увенчались будто-бы успехом. А именно, американские капиталисты через агентов комитета в Нью-Йорке инженеров Кон-

стантинова и Блючанского из'явили желание построить в Николаевске 2 тысячи типовых домов, от 2 до 8 комнат в каждом, которые городское управление могло бы сдавать внаем, извлекая доходы, затем—водопровод, электрическую станцию, телефонную сеть и электрическое освещение, выполнив всю эту работу в течение двух лет. За это капиталисты должны получить концессию на эксплуатацию водопровода, телефона и электрического освещения на известный срок, при чем, если бы доходность этих предприятий оказалась ниже определенной суммы, то город должен гарантировать доплату закладом городских имуществ и доходов от рыбалок и сдачи лавок на базаре.

Заминка в осуществлении этого проекта произошла по той причине, что капиталисты не видят юридического лица, с которым можно бы заключить контракт. Таким юридическим лицом может быть только городское самоуправление. Американцы, по словам Лебедева, усматривают в переходе Николаевска под власть ДВР гарантии для себя и когда здесь организуется городское самоуправление, то проект удастся осуществить.

Меркуловское правительство, как сообщил Лебедев, намеревалось помочь Николаевску строительными материалами, оборудованием некоторых заводов и другим имуществом, но когда стало известно об эвакуации, то ничего не дало, заявив, что оно не желает, чтобы все это досталось ДВР.

Кроме Лебедева, никто из николаевцев не сообщил экспедиции ничего касательно проектов застройки. Других проектов, повидимому, не существовало.

По переходе власти в русские руки Николаевск на первое время мог бы считаться обеспеченным помещениями для войск и для гражданских ведомств.

Японцы отремонтировали два больших каменных корпуса казарм, пострадавших от пожара. Туда и можно поместить наши войска. А в обширном здании ремесленного училища (штаб ген. Сато) легко разместились бы все немногочисленные правительственные учреждения и городская милиция. Школьные нужды пока удовлетворены помещением в доме Амурского пароходства. Японцы обещали передать городу оборудованный лазарет с готовым помещением.

Схематический план гор. Николаевска.

(Черной краской обозначена уже застроенная часть города).

Но для массы населения жилищный вопрос стоял очень остро по причине очень слабой застройки города,

с одной стороны, и неравномерности притока населения, — с другой.

Накопление городского населения шло зигзагами с самого начала по следующим причинам.

Покидая разгромленный город, Тряпицын приказал всем оставшимся в живых (после бесчисленных казней) жителям погрузиться на баржи и следовать за партизанами в село Керби на Амгуни. Но к той поре многим удалось скрыться в тайгу, по соседним деревням и на рыбалках. Они вернулись в Николаевск, как только флотилия судов скрылась из виду. Кроме того, при каждой остановке судов с них бежали и скрывались на берегу группы николаевцев, чтобы возвратиться домой. Таким путем вскоре набралось в городе уже несколько сот жителей. Затем стали возвращаться небольшими группами и доведенные до Керби.

Но отсутствие продуктов на зиму и средств на их покупку побудило часть жителей покинуть осенью Николаевск. Их принял в количестве около 400 душ присланный из Владивостока пароход. Город снова опустел.

Кербинские же пленники стали перебираться в Хабаровск, как только в отряде Тряпицына произошел развал и сам партизанский атаман сложил буйную голову, будучи казнен своими же приближенными.

С открытием навигации 1921 г. начался обратный приезд в Николаевск беженцев, но он происходил медленно и нерешительно, встречая препятствия с японской стороны. С 1921 на 1922 год зимовало в Николаевске не больше 2000 человек коренных его жителей (из прежних ~~15~~ тысяч)

Массовое возвращение беженцев и одновременно прилив рабочих на рыбалки и торговцев из Хабаровска последовал лишь в навигацию 1922 года, застав город, в смысле обеспечения всех их помещением, врасплох.

Если общее количество жилых зданий достигло в августе 1922 г. приблизительно 40% прежнего их количества, то емкость новых домов едва ли составила даже 25% прежней емкости жилых помещений, имеющих в городе.

Поэтому уплотнение жильцов достигало крайних пределов и соответственно этому квартирные платы держались очень высокие.

Нанять комнату дешевле 40 иен в месяц было трудно, за номер в гостинице, отделенный от соседнего досчатой переборкой, не доходящей до потолка, приходилось платить по 4 иены в сутки.

Бездомный люд ютился в шалашах, сколоченных из досок, горбылей, старых ящиков, прогоревших листов кровельного железа или сложенных (без глины) из кирпичей и покрытых, чем попало. Двери таких сооружений завешивались брезентами, мешками, одеялами и т. п. Некоторые бездомные ютились в развалинах реального училища и др. каменных зданий, взорванных частично.

Но все помещения подобного рода годились для жилья, разумеется, только летом. На зиму их обитателям предстояло искать более теплых жилищ. А так как надежды на большое увеличение к зиме количества жилых помещений в городе и на удешевление квартир не было, то очень многие собирались уехать на зиму в Хабаровск, где квартир избыток и цены очень дешевые.

Тяга в Хабаровск наблюдалась и у людей более обеспеченных материально, например, базарных торговцев, держателей столовых для рабочих и т. п. ими руководило то соображение, что в Николаевске зимой торговля вообще замирает.

Приезжие мелкие торговцы в большинстве ютились летом в своих лавченках, не нанимая квартир, и жили

в условиях, мало отличавшихся от тех, какие испытывали обитатели выше описанных шалашей.

Из сезонных рабочих на рыбалках почти никто не намеревался зимовать в Николаевске, на рассчитывая найти там ни работы, ни жилища (за доступную плату.) Впрочем, и в старые годы такой отлив из Николаевска рабочего элемента на зиму составлял обычное явление.

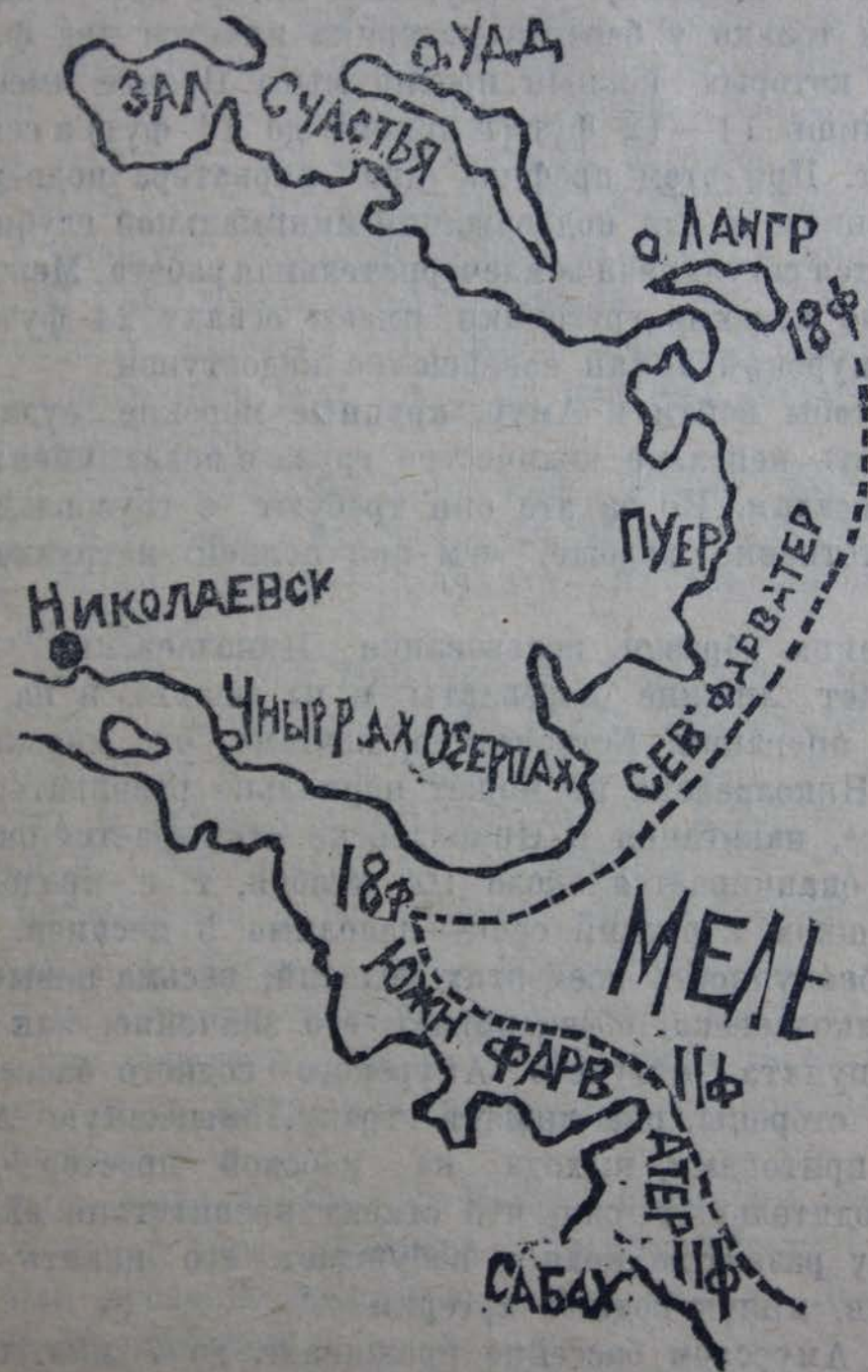
VIII.

Главным признаком морского порта является не то, что он расположен на берегу моря, а то, что в него могут заходить морские суда. Шанхай и Архангельск расположены не на морском берегу, а по реке, вдали от моря, но это — морские порты в силу вышесказанного признака. Реки Янцзы и Сев. Двина в тех местах обладают огромной глубиной и причальная линия для морских судов в Шанхае и Архангельске тянется на несколько верст.

Николаевск лишь по своему географическому положению причисляется к морским портам, но всем же другим признакам это — речной порт.

Гавань Николаевска настолько мелка, что для причала к пристаням даже речные пароходы должны искусно лавировать. Глубина бухты не превышает у берега 7-фут. Но для поддержания и такой глубины требуется регулярная расчистка землечерпалкой. А так как уже три года расчистка не производится, то условия для судоходства еще ухудшились. Речным пароходам с осадкой в 5—6 фут, иногда приходится выжидать прилива, чтобы подойти к пристани или выйти из бухты на рейд.

Для погрузки или выгрузки морских судов, приходящих на рейд, требуется производить перевалку грузов при помощи барж или шаланд, буксируемых катерами, что очень удорожает погрузочные операции, и тем самым обесценивает Николаевск, как морской порт.

Схематический план Амурского лимана.

Но и на рейд Николаевска морские суда с глубокой осадкой проникать не могут, потому что вход с моря (из Татарского пролива) в Амурский лиман прегражден мелями и только у берегов материка имеется два фарватера, из которых южный против мыса Пронге имеет глубину лишь 11—12 фут (в прилив до 14 фут) а северный 18 фут. При этом профиль дна фарватера подвергается изменениям и для поддержания минимальной глубины его требуется регулярная землечерпательная работа. Между тем, большие морские грузовики имеют осадку 24 фута. Для них Амурский лиман совершенно недоступен.

Чтобы войти в Амур, крупные морские суда должны брать неполное количество груза в целях уменьшения своей осадки. Но за это они требуют с грузовладельцев соответственно дороже, чем при полной нагрузке парохода.

Таким образом, пользование Николаевским портом вызывает лишние пореплаты и на фрахте, и на погрузочной операции. Естественно, поэтому, что морская торговля Николаевска не может нормально развиваться.

Далее, навигация в Николаевске открывается около 20 мая и оканчивается около 10 октября, т. е. продолжается слишком короткий срок—неполные 5 месяцев.

Совокупность всех этих условий, весьма невыгодных для Николаевска, обезценивает его значение, как головного пункта могучего Амурского водного бассейна. С другой стороны, она лишает страну, смываемую Амуром и его притоками, выхода на морской простор для ее производительных сил, что ставит препятствия экономическому развитию края и побуждает его искать других выходов, минуя водные артерии.

В Амурском бассейне проживает, до 7 мил. населения (2 мил. душ в ДВР и 5 мил. в Сев. Маньчжурии.) Благодаря закупорке Николаевска необходимость застав-

ляет везти хлеб, бобы, лес, сырье и все прочее сухим путем до Владивостока и Дайрена (вместо Николаевска.)

В прошлом 1921 году через Владивосток было вывезено 26 мил. пуд. грузов, а через Дайрен (из Сев. Маньчжурии) 53 мил. пудов. Через оба порта прошло 79 м. пудов, тогда как Николаевск никогда больше 3—4 мил. не отправлял, да и то главным образом рыбу, при том не местную, а приходящую для метания икры с моря, т. е. продукт, который нельзя отнести к числу произведений той страны, какую должен бы обслуживать Николаевск, в качестве отпускного порта. В результате эту свою законную роль он почти целиком уступает Дайрену и Владивостоку.

При таких условиях рано или поздно выдвинется необходимость дать Амурскому бассейну свободный выход в море. Много шансов заменить Николаевский порт имеет Де-Кастри.

С Амуром у села Мариинского соединено протокой озеро Кизи, имеющее длину 45 верст. Невысокий перевал шириной от 8 до 16 верст отделяет его от залива Де-Кастри в Татарском проливе, бухта которого самой природой как бы создана для устройства там морского порта, несравненно более удобного, чем Николаевск.

Бухтой Де-Кастри, как вспомогательным портом, нередко пользуются морские суда, посещающие Николаевск, для отгрузки в целях уменьшения своей осадки, чтобы пройти в Амур, или для догрузки в обратный путь из Николаевска.

Чтобы создать связь Де-Кастри с Амуром, требуется прорыть канал через перешеек, отделяющий залив от оз. Кизи, или провести железную дорогу между Де-Кастри и селом Мариинским.

Кроме технических удобств бухты Де-Кастри по сравнению с Николаевском, перенесение туда морского порта

дало бы сокращение пути морем почти на 300 верст, и Амуром на 260 верст.

Но вопрос об устройстве морского порта в Де-Кастри разрешится, конечно, не скоро. До той поры приходится говорить лишь об улучшении условий пользования речным портом в Амуре для целей морской торговли.

Для этого годится пристань Маго в Пальвинской протоке, соединяющей Амур, на 35 верст выше Николаевска, с озерами Чля и Орель, Пальвинская протока имеет у Маго глубину, допускающую свободное движение и причал к берегу судов всякой осадки, проникающих с моря через Амурский лиман в реку Амур. В силу этого пристань Маго имеет неоспоримые технические преимущества перед Николаевским портом. Она уже использовалась в Германскую войну. Там сооружены значительной емкости пакгаузы для склада грузов. Этими пакгаузами пользовались, между прочим, и маньчжурские экспортеры бобов, пытавшиеся направлять свои грузы за границу водным путем с пристаней по р. Сунгари через Николаевск. Но транзиту бобов мешали разные причины: то мелководье на Сунгари, то бурные события в Приамурье, то недостаток тоннажа, вызываемый тем, что суда под китайским флагом не допускаются к плаванию по Амуру ниже Хабаровска, амурские же пароходы, большая часть которых перешла в казну, не совершают, в свою очередь, плаваний по Сунгари.

В прежние годы, морской и речной грузооборот Николаевска составлял, в среднем 10 мил. пуд. в год, из них $6\frac{1}{2}$ м. п. по морскому сообщению и $3\frac{1}{2}$ м. п. по речному.

Наибольший грузооборот речного порта наблюдался в период постройки Амурской дороги.

Вывоз грузов морем за границу резко увеличивался

в те годы, когда через Николаевск отправлялись маньчжурские бобы.

В остальные годы цифра вывозимых морем за границу грузов колебалась от 1,1 мил. пуд. до 1,4 мил. пудов. Ввоз превышал ее в три раза (3,2—4,5 м. п. в год.)

Грузооборот по Амуру давал обратную картину: вывоз из Николаевска внутрь страны превышал ввоз оттуда тоже приблизительно в три раза. Отправлялось грузов вверх по Амуру, в каждую навигацию от 1,9 до 3,7 мил. пуд., а привозилось в Николаевск с Амура, в среднем, около 1 мил. пудов.

Главным, по количеству, предметом ввоза из заграницы являлась соль, а с Амура—мука и овес; главным (и почти единственным) предметом вывоза в оба направления—рыба. Грузооборот Николаевска достигал следующих максимальных цифр: по морскому сообщению 8,4 мил. пуд. (в 1916 г.) и по речному 5,6 мил. пуд. (в 1910 г.)

При всей мизерности абсолютной цифры грузооборота, если принять во внимание, что порт этот работает меньше 6 месяцев в году, то следует, отметить, что по интенсивности грузооборота Николаевск не уступает Владивостоку, где порт работает круглый год, вазвивая грузооборот только до 29—30 мил. пуд.

Характерной для Николаевского порта чертой являлось всегда то, что он не располагал даже собственными пароходами, исключая катеров для надобностей рыбопромышленности. К порту не было приписано ни морских, ни речных судов. Морская торговля Николаевска обслуживалась судами иностранными или Добровольного флота, каботажная—судами из Владивостока, а грузооборот по Амуру—судами, приписанными к Хабаровскому или Благовещенскому речным портам.

В период обследования экспедицией Николаевский порт представлялся в самом плачевном виде.

Кроме 6 или 7 пакгаузов и убогой городской пристани, в порту ничего не уцелело.

Он лишился прекрасно оборудованных мастерских с массой заготовленных для нужд порта материалов. Лишился двух землечерпательных караванов, которые были уведены в лиман и взорваны там с таким расчетом, чтоб заградить проход морских судов в Николаевск и северным, и южным фарватером (японцы потом очистили оба фарватера). Порт лишился двух подъемных кранов. Он лишился большей части портовых катеров. А с уничтожением пристани Амурского о-ва пароходства и торговли осталась всего одна очень слабо оборудованная пристань, именно, городская, но она может принять не больше 2-х пароходов, да и то с трудом, т. к. тут же пристают катера, шхуны, шаланды и лодки.

Из флотилии катеров числом около 100 уцелело не больше 40, остальные сожжены, потоплены, приведены в негодность и валяются по берегам или же угнаны из Николаевска со слабой надеждой на их возврат.

В соответствии с их наличным количеством в Николаевске группа квалифицированных русских судовых рабочих слагалась летом 1922 г. приблизительно из 100 человек.

Заработок их колебался в пределах от 60 до 100 р. зол., в месяц.

В порту работала русская артель грузчиков (из местных жителей) числом тоже около 100 человек. Погрузочные работы были отданы в период оккупации на откуп трем японцам, которые брали с грузчиков в свою пользу от 10 до 20% их заработка. Утвержденной таксы погрузочных работ не существовало, но фактически артель получала за нагрузку и выгрузку речных пароходов по 5 в. зол. с пуда, морских — по 2 коп. Для соли было сделано исключение, за нее брали только по 1 коп.

При такой расценке японцы за все свои грузы платили гораздо дешевле, т. к. они оперировали в области морского транспорта, тогда как русские грузовладельцы — в области речного.

В дни пребывания экспедиции в Николаевске на рейде стояли морской пароход, шхуна и рефрижиратор (из Харбина), а у пристани пароход «Барон Корф» и «Владивосток», от 7 до 10 катеров и до 40 шаланд.

Морской грузовик привез соль и спирт, шхуна грузилась лесом, рефрижиратор распродал мясо и принимал рыбу, «Владивосток» (казенный) занимался посуточно для перевозки разных грузов, а катера и шаланды развозили по рыбалкам рабочих, продукты для них, бочки, соль и т. д.

IX.

Под выражением „низовья Амура“ не совсем правильно принято разумеать всю прибрежную полосу от Хабаровска до Амурского лимана. Ее длина — 921 верста. Очень уже далеко от устья Амура начинаются «низовья».

На протяжении от Хабаровска до Николаевска (885 вер.) по обоим берегам Амура расположено 112 селений, т. е. в среднем одно селение через каждые 8 верст. Если бы они были многолюдны, то по густоте населения эта часть Амура не уступала бы даже Волге, не говоря уже про пустынные реки Сибири и даже самый Амур выше Хабаровска. Но в действительности численность жителей береговой полосы не превышает 45—50 тыс. душ, т. к. большинство русских селений имеет всего по 15—20 дворов, а инородческие стойбища еще малолюднее. Самые большие в этой полосе села (Елабужское и Троицкое) имеют лишь по 70—80 дворов.

Густота населения увеличивается по мере приближения к Николаевску. Это надо объяснять тем, что глав-

ным промыслом жителей служит рыболовство, в частности лов морской рыбы (кеты и горбуши), которая периодически заходит в Амур и его притоки для метания икры, а чем ближе к устью, тем больше, конечно, можно ее наловить. От места впадения в Амур р. Амгуни до Николаевска, на протяжении 90 верст, селения попадаются на каждом шагу.

Состав населения смешанный, но с сильным преобладанием русских. Затем идут гольды, рассеянные на всем протяжении берегов Амура, и в меньшем числе гилияки и тунгусы. Эти инородцы ведут оседлую жизнь и некоторые их стойбища (Сакачи-Аля в 69 в. от Хабаровска или Хальбо, через протоку от села Средне-Тамбовского) застроены домами русского типа, в остальных постройки убогие — фанзы, шалаши или избы, напоминающие деревенские бани. Кроме постоянного жилья, других признаков оседлости у инородцев не наблюдается, т. е. они не имеют никакого хозяйства и не держат скота, если не считать таковым охотничьих и ездовых собак.

Русское население береговой полосы, кроме естественного прироста, в последнее время стало увеличиваться выселяющимся из городов в деревню новым элементом, принадлежащим к различным социальным слоям. Этот элемент селится в старых деревнях или устраивает новые поселки и хутора или приселяется к инородцам. Он, между прочим, является носителем прогрессивного начала в хозяйстве, так как полон рвения к работе и часто обладает знаниями выше тех, какими располагает коренное население.

Хозяйственная разруха предшествовавших лет послужила хорошей школой для крестьян описываемой местности, заставив их вернуться к совершенно заброшенному делу земледелию с той поры, когда появился спрос на

амурскую рыбу из Сибири и Европ. России и цена на нее поднялась. Толчек к возвращению к земледелию дали, главным образом, следующие причины: 1) обрывавшийся подвоз хлеба, овса и овощей из Маньчжурии и сверху по Амуру; 2) замирание судоходства, лишившее крестьян сбыта дров для паровозов, от продажи которых они выручали деньги на покупку привозных продуктов; 3) прекращение зимой почтового сообщения, лишившее их заработка от перевозки почты и 4) плохой улов кеты после захвата японцами Амурского лимана.

Тяга к земледелию наблюдается преимущественно по берегам нижнего течения Амура, начиная с Мариинской волости. Выше по Амуру успехи земледелия замечаются лишь в отдельных случаях. Таким образом, происходит довольно дикое явление: в сельско-хозяйственном отношении развивается север, где климатические условия менее благоприятны, а не юг. В северном районе вегетационный период отодвигается примерно на месяц против района гор. Хабаровска. К середине августа картофель, напр., под Николаевском еще цвел, когда в Хабаровске уже давно продавали молодой картофель.

Осмотр огородов села Воскресенского (110 верст выше Николаевска) показал, что прекрасно родятся там капуста, картофель и все др. огородные овощи, а также мак. Бахчи же, по словам огородников, подвергаются риску. Так, огурцы раннего посева померзли в холодные июньские ночи. В селе же Елабужском (84 в. от Хабаровска) огурцы родились во время и в таком изобилии, что их посылали на продажу в Хабаровск.

На пашнях сеют пшеницу, ярицу и овес. Правый гористый берег Амура не дает простора для хлебопашества. Между тем, большинство селений расположено именно на правом берегу. Поэтому, используя близ деревни все удобные места, крестьяне распахивают под

хлеб луга на противоположном берегу. А близ Николаевска (в Пальвинской протоке и др. местах) пашни взлезают уже и на горы по южным их склонам, иногда до значительной высоты.

Отдельные хозяйства начали развивать производительность, превышающую собственные потребности. В прошлую зиму новый хуторянин из Солонцов (помор Архангельской губ.) Иванов привез в Николаевск на продажу партию своего овса. Кроме внешнего эффекта первого появления на рынке местного фуража, этот привоз сбил сразу цену овса в Николаевске с 3,50--4 иен за пуд до 2,50 иен.

Новоселы вообще проявляют большую энергию. Поселок Свобода, образовавшийся близ села Орловского 3 года назад, уже окружен полями. Новоселы успели расчистить и использовать для хлебопашества по 1 десятина на душу. Но некоторые старожилы стремятся развить земледелие. Жители села Воскресенского говорят, что распахивают и засевают „сколько у кого хватает сил“.

На огородничество всюду налегли вплотную и русские жители, и арендаторы китайцы и корейцы, облюбовавшие окрестности Хабаровска и Николаевска. В привозных овощах сельское население уже совершенно не нуждается. Городу же Николаевску в рыболовный сезон требуются овощи из Хабаровска, т. к. они поспевают раньше, чем в районе Николаевска. На зиму же он обеспечен местными продуктами.

Овсом также население обеспечено из местных источников, исключая Троицкой волости, где земледелие не развивается.

Что касается хлеба, то его хватает для себя пока лишь жителям небольшого числа селений по Амуру. Остальное население нуждается в привозном хлебе.

Скотоводство у крестьян развито в достаточной степени. Есть и лошади, и крупный рогатый скот. Прекращение перевозки почт, с одной стороны, и нужда в деньгах на покупку хлеба, с другой, побудили крестьян в предшествовавшие годы пораспродать лишних лошадей, так что число их уменьшилось. Количество же рогатого скота не сократилось. Но бросается в глаза полная дезорганизация молочного хозяйства. Исключая Елабуги и еще 2—3 селений, где много молочных продуктов и они продаются на сторону, всюду жители, имея на круг не меньше 2 дойных коров на семью, покупают привозное бобовое масло. Оказывается, все молоко потребляется телятами, а людям остается самая малость. Объясняют эту уродливость недостатком кормов для телят, как следствием слабого развития земледелия.

По той же причине жители мало занимаются птицеводством.

В хозяйственном отношении местная крестьянская масса вообще в высшей степени инертна. Из разговоров с жителями можно было вывести заключение, что если восстановится старый уклад хозяйственной жизни (хороший улов рыбы, дрова для пароходов летом и почтовая гоньба зимой), то население снова забросит пашни и огороды.

В прибрежной местности начали, между прочим, сеять лен и коноплю. Но на вопросы о том, не привьется ли, в связи с этим, впоследствии домашнее производство тканей (в Уссурийском крае оно уже наладилось), крестьяне отвечают отрицательно, поясняя: «наши бабы к этому непривычны».

Но «наши бабы» не везде одинаковы. В селе Пермском они собирают и солят грузди, которые отправляют на продажу, в Елабуге—огурцы, а также молочные продукты.

Вышеописанная постановка крестьянского сельского хозяйства обуславливает нужду населения, главным образом, в привозном хлебе. На приобретение его направлены все помыслы жителей. Когда говорят о голоде в описываемой местности, то это надо понимать условно. Голод, в устах местных крестьян, означает отсутствие муки — и только. Говорить о голоде, как понятии, определяющем абсолютную пустоту желудка, в данном случае не приходится, т. к. у крестьян всегда под рукой амурская рыба, начиная с осетрины, затем мясо, домашняя птица, молоко, а в последние годы еще и свои овощи. Да сверх того окружающая деревни тайга полна разной дичи, стоит походить два дня с ружьем, чтобы добыть пищу на неделю.

В продовольственном отношении русское население находится в счастливых по сравнению с инородцами условиях. У тех нет никакого хозяйства. Кроме рыбы и дичи, им все продукты приходится покупать на стороне. И в периоды плохого улова рыбы они — несчастнейшие люди, т. к. единственный их ресурс для покупки съестных припасов, пушнину не всегда легко превратить в деньги. Да и добыча пушнины иногда встречает затруднения. Партизаны в последние годы отобрали у инородцев много ружей, порох и патроны доставать стало очень трудно. В результате они очутились в беспомощном положении. И среди инородцев голодовка — факт вполне реальный. Во время поездки областного эmissара Масленникова по Амуру, делегации инородческого населения жаловались на бедственное положение и просили правительственной помощи.

Заканчивая путевые заметки о береговой полосе, нельзя умолчать о плачевной судьбе единственного на Амуре курорта — Анненских вод (пристань Мыхиль в 120 вер. от Николаевска). В прежние годы больные ревма-

тизмом, поражениями нервной системы и т. п., стекались туда сотнями, многие издалека, для пользования горячим источниками. Курорт, по местным условиям, был обставлен всеми удобствами для курсантов. В это же лето больше 18—20 больных не скоплялось, т. к. курорт разложился. Нет врача, нет аптеки, ванны разбиты, края вывернуты, окна побиты, всюду невылазная грязь. Эти сведения получены от жителей дер. Сусаниной, которая обслуживает сообщение пристави с курортом и снабжает его продуктами.

Х.

На 91 вер. выше Николаевска впадает в Амур большая судоходная река Амгунь, населенный район которой экономически тяготеет к низовьям Амура.

В очень засушливые лета на перекате Красный Яр глубина бывает всего 2 фута, но это—исключение. В остальное время по Амгуни беспрепятственно плавают пароходы до села Керби (385 в. от устья реки).

Население береговой полосы состоит, как на Амуре, из русских и инородцев. Но оно крайне малочисленно.

По сведениям уполномоченного Приамурского областного управления по Амгунь-Кербинскому району И. О. Девяткова, хозяйственное положение береговой полосы, в общих чертах, представляется в следующем виде.

Первая деревня Князевка (из 8 дворов) расположена в 8 верстах от устья Амгуни, затем встречается деревня Сергие-Михайловская (12 дворов), еще 4 маленьких поселка, затем—Удинский селад (94 вер. от устья), при впадении в Амгунь золотоносной речки Уды. Тут была приисковая резиденция.

За Удинском следует 8 малолюдных русских поселков, зимовьев и инородческих стойбищ, затем дер. Демьяновка, тоже бывшая резиденция.

После Демьяновки на берегу расположено еще пять поселков и, наконец, Керби (55 дворов).

Это — главный торговый и административный центр описываемого района и узел путей сообщений, т. к. от Керби идет тракт и телеграфная линия на Благовещенск. С Хабаровском и Николаевском ни почтового, ни телеграфного сообщения Керби не имеет.

Это произошло в силу того, что свое значение Керби приобрело в связи с развитием в его окрестностях золото-промышленности, которая туда проникла из Амурской области еще в 1870-х годах, т. е. в ту пору, когда Хабаровск был простым казачьим поселком, а Николаевск не имел никакого торгового значения. К тому же первые прииски по Амгуни были основаны благовещенскими золото-промышленниками. Снабжение их хлебом и фуражем до очень недавнего времени происходило из Амурской области (из Завитинского хлеботородного района) гужом по зимнему пути.

Для связи с Хабаровском и Николаевском существует в Керби радиостанция, но она считается военной и недоступна для частного пользования, хотя никаких „фронт-тов“ там давно уже нет.

Сообщение с Керби летом 1922 г. поддерживалось при посредстве казенного парохода «Сибиряк», совершающего рейсы между Николаевском и Керби, причем вся почтовая корреспонденция подлежала японской гражданской цензуре в Николаевске.

Русских жителей в прибрежной полосе по Амгуни насчитывается не более 1000. Хлебопашеством они не занимаются. Имеются небольшие огороды. Скота держат довольно много. Ловят рыбу для себя и на продажу на ближайшие золотые прииски и промышляют славом леса в Николаевск, а пока бойко работали золотые прииски,

то еще—ямской гоньбой и перевозкой грузов от пристаней на эти прииски.

Охотой крестьяне почти не занимаются. Некоторые из крестьян ходили на заработки на соседние прииски.

Иностранцы ловят рыбу и добывают пушнину. Спугнутые бурными событиями предшествовавших лет с насиженных мест, где исчезли, кроме того, источники снабжения их хлебом и охотничьими припасами, иностранцы ушли в тайгу и частью откочевали за 400 верст, на побережье Охотского моря.

Но водворение порядка на Амгуни и постепенное восстановление там торговли вызвали обратное движение. Часть иностранцев уже вернулась на прежние места.

Выше Керби по Амгуни расположены лишь инородческие стойбища, да и то в малом числе. Последний населенный пункт (стойбище Элга) находится в 120 верстах от Керби.

Прибрежную полосу Амгуни на всем ее протяжении можно считать «новым краем», который еще только пробуждается к жизни, ожидая притока колонистов. Почвенные и климатические условия низовьев Амгуни одинаковы с таковыми же в низовьях Амура, где для развития мелкого хозяйства оказались благоприятные условия, что наглядно доказано успехами хлебопашества и огородничества.

XI.

Восстановление связи с Николаевском обеспечило населению береговой полосы заработки по заготовке бочек для рыбы. Раньше местные кустари делали их только для себя и для своих односельчан, т. к. Николаевский центр рыбопромышленности снабжался бочками из обширной бондарной мастерской при лесопилке Рубинштейна (в Николаевске), которая изготовляла в год до 45 тыс.

бочек емкостью около 1 миллиона пудов рыбы. Остальное количество тары, необходимое для соленой рыбы, идущей на внутренние рынки из Николаевска, пополнялось постепенным возвратом туда порожних бочек из Хабаровска, Благовещенска и с др. пристаней.

После сжжения в 1920 г. лесопилки это производство не возобновлено и спрос на бочки кустарной работы усилился. В некоторых селах, напр., Нижне-Тамбовском, их стали выделывать на продажу свыше 1000 в год. Опытный кустарь может выделывать 70—80 бочек в год. Клепку заготавливают сами. Для нее дерево не пилится, а раскалывается, что придает больше крепости клежке, т. е. пила режет не всегда по волокну (если дерево кривое). Бочки обтягиваются деревянными обручами за отсутствием обручного железа. Это их обесценивает. За бочки с 4 железными обручами платили в Николаевске до 6 р. зол., а с деревянными только 4 р. 50 к. На месте бочки продавались от 3 р. 50 к. Кустари охотнее меняли их на муку, чем продавали за деньги. Изготовлением бочек занимаются не отдельные крестьяне, а большинство жителей тех деревень, где это производство получило развитие.

Изготовление лодок также является местным промыслом, но он имеет целью обслуживать лишь собственных нужд населения.

Из др. кустарных промыслов можно отметить дегтярный и веревочный. Выделывать веревки дома заставило полное отсутствие одно время этого предмета на рынке. В качестве материалов употребляют старые канаты, которые предварительно расплетают, а также мочало. Мочальные веревки принялись изготовлять даже гольды для нужд своего рыболовства.

Среди некоторых новоселов наблюдается стремление наладить скипидарное и паточное производство. Коже-

венное производство в небольших размерах уже организовано.

Звероловством, как доходным промыслом, из местных крестьян занимаются лишь очень немногие ярые охотники. Охота составляет специальность инородцев, хотя близ многих русских деревень по Амуру некоторые места славятся обилием ценного зверья. Такими местами считаются таежные дебри по р. Горюну, между селами Средне и Верхне-Тамбовским, по р. Амою на 5 верст выше села Тронцкого (в верховьях Амоя водятся соболя, живущие и дальше по перевалу Таба), затем по р. Хунгари верстах в 8 от села Вознесенского, по р. Ульче (район деревни Шелехово), по Бешеной протоке ниже села Циммермановки, по берегам оз. Болонь и впадающим в него ручьям верст на 8 ниже села Малмыжского, по озерам Катару и Хоми. В этой полосе бьют соболя, выдру, медведя, белку, лису, хорька, рысь, сахатого.

Летом охотятся преимущественно близ озер, зимой — в тайге.

По данным официальной статистики довоенного времени, в Хабаровском уезде и волостях Больше-Михайловской и Мариинской Удского уезда добывалось, в среднем, в год соболей до 700, белок 6 тыс., лисиц 200, хорьков 300, енотов 300, выдр 200, медведей 150, немного рысей и волков.

В Амгунской тайге зверя гораздо больше, чем в Амурской, где близость человеческого жилья и вырубка лесов уже отогнала его вглубь гор.

По Амгуни одних соболей добывается в год более 1000 штук, белки до 40 тыс. и т. д. Там особенным обилием зверя славятся местности по Кугуру и Тумукану.

Звероловство пришло в последние годы в упадок в связи с недостатком орудий охотничьего промысла, с чем совпало и расстройство рынка пушнины, выразившееся в

том, что скупщики стали опасаться проникать в тайгу для скупки ее, опасаясь бродячих шаек бандитов. Кроме того, оказался и недостаток денег на скупку пушнины.

В результате уже не скупщики гоняются за охотниками, а охотники за скупщиками. Те пользуются этим и забирают товар большей частью в кредит. В конце концов получается то, что зверопромышленники (инородцы) вступили в полосу хронической голодовки.

В прежние годы меньшая часть амурской и амгуньской пушнины сбывалась в Николаевск, а большая — в Хабаровск. Теперь Хабаровск утратил значение центра торговли пушниной, а в Николаевске японцы скупают почти одну выдру. Рынок пушнины перемещается на Охотское побережье, где главным центром скупки становится Чумукан (в Удской губе), куда ведет тропа с Амгуни. Там имеются крупные скупщики, работающие с некоторого времени на иностранный капитал, снабжающие инородцев принадлежностями охоты, мукой, спиртом и разными товарами. Главным и старейшим скупщиком пушнины является Ф. Ф. Кондратьев.

ХII.

Правильной организации сельской торговли в низовьях Амура не было никогда и раньше, так как еще при колонизации края была допущена грубая ошибка. Она заключалась в том, что на протяжении свыше полутора тысяч верст (от Благовещенка до Амурского лимана) не озаботились сосредоточить в одних пунктах побольше колонистов, чтобы образовались торговые центры в виде сел и городов. Потом на полпути от Благовещенска до Николаевска превратили в город казачий поселок Хабаровку—и этим ограничились. А от Хабаровска на протяжении в 885 верст вниз по Амуру так и не создавалось до сего времени никаких торговых центров, куда

крестьяне ближайших деревень и инородцы с'езжались бы на базары за покупками и для реализации того, что они сами производят.

Эта ненормальность в высшей степени омертвляет местную торговлю; отдаёт население в эксплуатацию случайных скупщиков или продавцов; мешает регулированию цен; не даёт крестьянам возможности планомерно снабжаться всем необходимым, то и дело лишая их в самое нужное время того или иного товара; затрудняет денежный оборот; вынуждает с осени запасаться на всю зиму, что связано с крайним напряжением платёжных средств, вызывающим, в свою очередь, продажу за бесценок продуктов крестьянского хозяйства; делает население неподвижным и инертным; не вырабатывает в нём коммерческой этики, обязательной в условиях оживлённой торговли, вследствие чего крестьяне не считают, напр., за грех запродать в трие разных рук одну и ту же партию рыбы или дров и двоих покупателей из трех потом обмануть, не сдав им товара и не вернув задатки, или, напр., требовать прибавки, если рыночная цена данного предмета стала после zapродажи повышаться, или систематически уклоняться от уплаты долгов кооперативам.

В данное время развалился и тот убогий торговый аппарат, какой мог создаться на вышеописанной почве, в виде деревенских мелочных лавок, в большинстве кустарных, и кое где—потребительских обществ.

Перебой длится с того момента, когда все частные торговцы разбежались под влиянием событий. Кооперация же ничего не предпринимает для восстановления сельской торговли. Отдельные ее попытки в данном направлении оказались весьма неудачны. В селе Троицком жители рассказывали, что кооператив прислал туда из Хабаровска как раз ненужные крестьянам товары. В Нижне-Тамбовском жители ждут—не дождутся открытия

потребительской лавки, приготовили для нее даже помещение, но дело на том и остановилось. Во многих др селениях тоже назрела в этом нужда и все об ней говорят. А пока кое где возобновляют свою торговлю китайцы, но слишком осторожно, привозя товаров на самую небольшую сумму, потому что бандитизм окончательно еще не ликвидирован. Грабежи вынудили, напр., всех китайцев во второй половине августа покинуть Троицкую волость.

За отсутствием лавок население принуждено ездить за покупками в Хабаровск или Николаевским, смотря по тому, куда ближе, или же покупать все необходимое с пароходов от шмыгающих взад и вперед по Амуру спекулянтов (они же — развозчики контрабанды).

Роль кооперации в ходе местной торговли сводилась в описываемый период к тому, что соль и др. остатки товаров перевозились с места на место, чтобы взамен одних неисправных должников раздать их другим и тоже без шансов на возврат, т. к. условия кредита ставились совершенно невозможные. Так, крестьянам села Верхне-Тамбовского был предложен обмен будущей рыбы на муку по такой расценке рыбы, которая ниже николаевских цен. Сделка не состоялась. Соль кооператив предлагал рыболовам Тамбовской и Троицкой волостей на условии погашения долга рыбой, по расчету полтора пуда соленой рыбы за один пуд соли. Если принять за нормальную николаевскую цену соли (90—95 коп.), то кооперация желала получить со своих должников осеннюю кету по цене 60—63 коп. за пуд. Крестьяне, конечно, взвыли от подобных условий, но если купить им было не на что, поневоле пришлось согласиться.

Итак, о сельской торговле в низовьях Амура говорить, вообще, не приходится. Ее в данное время не существует вовсе.

В Николаевске создались благоприятные условия для восстановления торговли. Там из более крупных торговых фирм уже оперируют Кунст и Альберс (универсальный магазин с товарами преимущественно германскими), Симада (тоже универсальн. магазин, но большинство товаров японские), Эжерт и Фрейман (тоже), Капанадзе (специальность--спирт, водка и вина), фирма под названием «Группа рыбопромышленников», английская фирма Гейтен Флит, Урманчев, Валис Ахбатов, Ким, Хавтаси, японцы Хокуя, Ваэно, Кубо и отделения китайских фирм из Харбина и Хабаровска.

Масштаб торговли, разумеется, весьма скромный, обусловленный малочисленностью населения Николаевска и недостатком у него покупательной способности, что, однако, не препятствовало дороговизне товаров и продуктов по сравнению с Хабаровском или Благовещенском, исключая спиртных напитков и табака, т. к. во время оккупации японцы не облагали их акцизом. Их продавали значительно дешевле. Зато другие предметы расценивались в золотой валюте в том же размере, как в Хабаровске — на серебро. Так, напр., молоко продавалось в Николаевске тоже 15 к. бутылка, только золотом. А картофель (на него был большой спрос с рыбалок при слабом подвозе) доходил до 1,80 иен за пуд во то время, когда в Хабаровске он стоил всего 80—90 к. сер., яйца до—10 к. зол. штука.

Цены остальных предметов первой необходимости были в августе такие: хлеб печеный 10 к. зол. фунт, мясо 20—25, масло бобовое 4 р. пуд, сахар 5 р. 50 к., керосин 4 р. 50 к. банка, чай кирпичный 30 к. фунт, табак листовой 20 к., маньчжурка 60 к., соль 90 коп., мыло простое 15 к., кета соленая 1,80—2 р. пуд, горбуша 1 р. 20 к., монпансье 90 к. фунт, лук японский 5 иен пуд, дрова 9—10 р. сажень.

Мелкая торговля получила большое развитие. Открылось свыше 200 лавок, киосков и балаганов, не считая многочисленных столовых на базаре. В противоположность всем другим городам ДВР в области мелкой торговли Николаевск может похвалиться победой русских над китайцами, чему отчасти способствовал наплыв туда безработных русских торговцев из Хабаровска, отчасти же превращение некоторого числа николаевских жителей из рантье-ров в мелких лавочников. В результате русских торговцев там гораздо больше, чем китайцев.

Снабжение Николаевска фабричными товарами происходит, главным образом, морским путем, преимущественно через Японию. Этим же путем через Дайрен получились в Николаевске товары и из Харбина, а также из Владивостока.

Снабжение съестными припасами и фуражем происходит преимущественно из Маньчжурии и с различных пристаней по Амуру.

С открытия навигации по 15 августа через Хабаровскую таможенную границу (сюда причислялся и оккупированный японцами Николаевский район) свыше полмиллиона пудов грузов, большая часть которых предназначалась для этого района. Мерем из продуктов привозилась американская мука, соль, лук, фрукты и спирт.

Товаров местного производства, исключая рыбных продуктов, на рынке пока очень мало, т. к. фабрично-заводская промышленность только еще зарождается.

Возобновили свою деятельность или возникли вновь 4 лесопильных завода, но вследствие конкуренции иленного леса, привезенного из Благовещенска и Хабаровска, два завода вскоре прекратили работу. Открылись одна механическая мастерская, 5 небольших водочных заводов и две фабрики монпансье. Этим и исчерпывалась в описываемый период обрабатывающая промышленность

города Николаевска. Русских квалифицированных рабочих имелось на лесопилках 18 и в механической мастерской 7, все остальные — китайцы или японцы.

Городская торговля подчинялась во время оккупации введенной японцами налоговой системе. Промысловый налог взимался по ставкам, подразделенным на 10 разрядов, в зависимости от характера предприятий, размера их оборотов и др. признаков. По 1-му разряду налог был 300 иен в год, по 2-му 200, затем 150, 100, 70, 50, 30, 20, 10 и 6. Особым сбором облагались освобожденные от промыслового налога киоски, разносчики, извозчики, театральные и увеселительные заведения. Сбор колебался в пределах от 3 до 12 иен в год. Установлен был также налог персональный с граждан, занимающихся охотой или рыболовством, как промыслом. Рыболовы подразделялись на 4 разряда и платили от 30 иен в год до 2, охотники же все одинаково по 5 иен.

При японцах Николаевск пользовался правами порто-франко. Не требовалось таможенных пошлин ни с ввозимых товаров, ни морем, ни по Амуру. Не существовало также акциза или каких либо других сборов с грузов импортных или экспортных. Товарообмен в районе от Николаевска до пристани Киселевки (по Амуру 372 вер.) также был освобожден от пошлин и акциза.

С привозимых из Николаевска в ДВР товаров таможенной заставой в Киселевее взимались пошлины по существующему тарифу.

Товары, вывозимые из ДВР в японскую зону, пропускались беспошлинно, а товары транзитные заграничные (из Маньчжурии) в Николаевск оплачивались пошлиной по ставкам, установленным в законе 13 ноября 1921 года.

С транзитных акцизных товаров (спирт, вино, табак, табачные изделия и спички) акциз слагался, но

спирт был обложен специальным сбором в доход Приамурского областного управления. Рыба, отправляемая из Николаевска в ДВР, оплачивалась попудным сбором в 20 к. Соль, мука, овес и спирт составляют, после рыбы, самые крупные предметы торговли в Николаевске и его районе. Поэтому остановимся на них несколько подробнее.

Засол рыбы по русскому способу требует от 5 до 6 пудов соли на каждую бочку соленой рыбы весом 22 — 23 пуда нетто. Весовое отношение соли к рыбе при японском способе засола немного от этого отличается. Требуется соль также для приготовления икры. Поэтому потребность соли для рыбопромышленного района низовьев Амура, исходя из цифры от 2 до 3 мил. пуд. засаливаемой ежегодно рыбы и икры, следует определить цифрой от 500 до 700 тыс. пуд. в год.

В сезон 1922 года соль в Николаевске продавалась по 90 к., без оплаты пошлиной, в силу порто-франко. Скупщики рыбы кредитовали солью крестьянские рыбалки по цене 95 к. с приемкой ее в Николаевске. Недостатка в соли в Николаевске не ощущалось. Главное снабжение ею шло из-за границы, а рыбалки ближе к Хабаровску снабжались Иркутской солью.

Заграничная соль (из Порт-Саида) была хорошего качества, но черезчур мелкая, что для засольщиков невыгодно, т. к. ее идет больше, чем крупной.

Порт-Саидская соль, выписываемая из Николаевска для рыбалок выше Киселевки, удорожалась на сумму таможенной пошлины, но всетаки обходилась дешевле Иркутской, которая расценивалась (без пошлины) от 1 р. 60 к. за пуд и выше.

На рынке Николаевска фигурирует мука харбинская и американская; марки хабаровских или благовещенских мельниц почти не попадаются.

До открытия навигации американская мука всецело господствовала в Николаевске. Она продавалась по 4,5 иен за мешок весом 1 п. 15 ф., что соответствует цене 3 р. 28 к. зол. за один пуд.

В течение навигации подвоз китайцами из Харбина и Хабаровска маньчжурской муки шел непрерывно. В Николаевске образовались к середине августа запасы муки свыше 80 тыс. пудов. Но это не остановило импортеров, видимо, запасавшихся мукой на зиму и для горожан и для окрестного населения. Маньчжурская мука продавалась в Николаевске по 3 р. 50 к., т. е. на 20—25 к. дороже американской. Однако, потребители предпочитали первую из них, т. к. примесь кукурузы к пшенице в американской муке понижает ее качество (нет припека и хлеб сыроват, он хуже пропекается).

В Николаевске имеется несколько хлебопекарен. Печеный белый хлеб продается по 10 сен за фунт.

Ржаную муку привозили из Благовещенска. Черный хлеб мало употребляется в Николаевске. Цена его одинакова с ценой белого хлеба.

Город Николаевск является распределительным для хлеба торговым центром. Оттуда мука развозится не только по рыбалкам в лимане, но по всем окрестным деревням, а также по Амуру (приблизительно до села Мариинского) и по Амгуни вплоть до золотых приисков.

Хлебная торговля почти вся в руках китайцев.

Овсом Николаевск снабжается из Амурской области и из Хабаровска. В разгар навигации привозный овес урожая 1921 года продавался по 1 р. 80 к. зол. за пуд. Недостатка в нем не наблюдалось. Главные (и почти единственные) потребители—извозчики ломовые, т. к. граждане выездов еще не завели, легковых извозчиков в городе очень мало, а японский гарнизон имел самый ограниченный конский состав.

В довоенное время Николаевский район, по данным акцизного ведомства, потреблял ежегодно до 30 тыс. вед. спирта, но были года, когда эта цифра приближалась к 50 тыс. ведер.

В настоящее время емкость рынка определяется местными виноторговцами в 20 тыс. ведер в год, причем главный расход спирта падает на осень, когда рабочие получают расчет на рыбалках и золотых приисках.

В августе в Николаевске имелся запас спирта в количестве около 10 тыс. ведер.

Спирт, обращающийся на местном рынке, получается из Харбина и из Японии. Первый выше качеством, второй гораздо хуже, исключая марки «Медведь» (фирма Камна), который удовлетворительного качества.

Спирт идет на изготовление водки преимущественно харбинский. В Николаевске имеется пять водочных заводов, из них 4 принадлежат русским и 1 китайцу.

Николаевск обслуживает спиртом и водкой низовья Амура примерно до Циммермановки.

Цена спирта, не обложенного в период оккупации ни акцизом, ни таможенной пошлиной, держится в пределах от 7 до 8 иен за ведро. Цена водки — от 8 до 9 иен ведро.

К концу каждой зимы, если запасы в Николаевске истощаются, цена поднимается вдвое и втрое. В конце прошлой зимы она доходила, например, до 200 иен за ведро спирта.

XIII.

Населенные пункты расположены только по берегу Амура, вправо и влево от берега нет жилья. По берегу же ниже села Троицкого не проложено колесной дороги. Летом там нет иного сообщения, кроме водного. Зимой ездят на лошадях по льду Амура. Но зимний путь меж-

ду Хабаровском и Николаевском слишком длинен, дорог и труден, т. к. ближе к Николаевску выпадают очень большие снега.

Поэтому почти весь грузооборот описываемого района совершается в период навигаций. Зимой даже и в прежние годы передвижение грузов было ничтожное. Регулярно ходила только почта. Но уже три года сухопутное почтовое сообщение между Хабаровском и Николаевском прекратилось по отсутствию средств на содержание почтовых станций.

Связь поддерживалась лишь телеграфная, которая затем тоже оборвалась, когда заняли Николаевский район японцы. Она восстановилась лишь с 1 сентября 1922 г., перед их уходом. Поэтому две зимы, — точнее говоря, два промежутка в 7 месяцев каждый, от навигации до навигации, не существовало никакой связи. Тем временем телеграфная линия повредилась и только в июне 1922 г. удалось восстановить сквозное сообщение между Хабаровском и Николаевском. Но и тогда пользование им не стало свободным, т. к. в Николаевском районе телеграфом распоряжались японцы.

Образовавшаяся между ДВР и оккупированным районом политическая граница оборвала и пассажирское сообщение на лошадях. Это обстоятельство, а также прекращение почтовой гонимости, побудили крестьян допутных сел распродать лишних лошадей, в результате чего технические средства зимнего грузового и пассажирского сообщения сократились до минимума.

Навигация 1922 года в низовьях Амура протекла несколько оживленнее, чем в предшествующие годы, когда судоходство переживало, в связи с общей разрухой, состояние, близкое к умиранию.

Хабаровская пристань является главным распределительным пунктом для грузов в нижнем плесе Амура, т. е. Хабаровск расположен в узле водных путей.

Сравнение грузооборота Хабаровской пристани за май, июнь и июль мес. 1921 и 1922 годов свидетельствует о степени увеличения работы речного транспорта. В 1921 г. за эти три месяца было отправлено из Хабаровска 254 тыс. пуд. разных грузов, а в 1922 году 404 тыс. пудов, т. е. больше на 150 тыс. пуд. или на 60⁰/. Так как из Хабаровска вверх по Амуру почти никаких грузов не бывает, а в Харбин—очень мало, то увеличение вывоза следует отнести почти целиком к отправлениям грузов в Николаевск и на др. низовые пристани.

Привоз грузов в Хабаровск в 1922 г. за три первые месяца навигации, напротив, уменьшился по сравнению с 1921 г. на 106 тыс. пудов. В частности, сократилось количество привезенных дров с 1478 куб. саж. до 954 куб. саж., дав разницу в 110 тыс. пуд. Количество же других грузов увеличилось на 4 тыс. пудов.

В итоге общая цифра грузооборота (ввоз и вывоз) увеличилась против 1921 г. на 44 тыс. пудов.

С начала навигации 1922 г. и по 15 августа, по сведениям Хабаровской таможни, было отправлено грузов, оплаченных пошлиной, т. е. предназначенных частью в Маньчжурию, но, главным образом, за Киселевку, т. е. в Николаевск, 516 тыс. пудов.

Пассажиров с пристани Хабаровск было отправлено за первые 3 месяца навигации 1921 года 6700, а за тот же период 1922 года 7900.

В 1922 г. перевозка хлебных грузов увеличилась против 1921 г. почти втрое.

Оживлению работы Амурского речного флота в низовьях Амура способствовали: 1) возобновление торговых сношений Хабаровска одновременно и с Харбином, и с

Николаевском, 2) тяга беженцев обратно в Николаевск, а рабочих на рыбалки, 3) оживление торговли, как следствие наступившего успокоения в Приамурье.

Но вызванный совокупностью этих причин процесс усиления работы судов не успел, разумеется, пойти далеко и масштаб грузооборота всетаки оказался более, чем скромным. Несмотря на большую убыль флота в предшествовавшие годы вследствие или потопления и пожаров, или приведения их в негодность, или отсутствия средств на весенний ремонт,—нехватало для плавающих в нижнем плесе пароходов ни грузов, ни пассажиров, а большинство барж совсем бездействовало. Уже не подлежит сомнению, что наличного тоннажа Амурского речного торгового флота хватит с избытком еще на 2—3 года, т. е. процесс восстановления хозяйственной жизни края, порождающий новые грузы, идет слишком медленно. Очередная задача—не увеличение числа судов и их грузоподъемности, а увеличение количества грузов, чтобы было, что перевозить.

За две недели плавания от Хабаровска в Николаевск и обратно «Барон Корф» повстречал в пути всего три парохода и два катера, один из них с пустыми баржами, застал в Николаевске один пароход и догнал один катер с груженой дровами баржей,— вот и весь видимый грузооборот.

Недостаток грузов и пассажиров пароходы старались компенсировать высокими провозными платами в расчете покрыть эксплуатационные расходы (о прибылях еще и речи не заходило) безработной части их тоннажа и пассажирских кают. Но дороговизна тарифов, при общем безденежье, вела, в свою очередь, к искусственному сокращению количества грузов и числа пассажиров. В результате получался заколдованный круг.

Владельцы частных пароходов и пароходная администрация казенных всячески изворачивались. Особенно трудно приобретать дрова. Приходится уговаривать крестьян дать дров в кредит до обратного или следующего рейса. Безденежье у грузоотправителей заставляло принимать иногда плату за провоз грузов натурой, т. е. частью перевозимого груза, чтобы потом его куда нибудь продать и обратить в деньги, и т. д.

Частные пароходы проявляли больше изворотливости, не останавливаясь, напр., перед понижением фрахта до 12 и даже до 10 коп. зол. с пуда груза между Хабаровском и Николаевском, тогда как казенные брали по таксе 20 к.; они выстаивали по неделе и больше у пристаней, чтобы взять полный груз, а казенные пароходы были связаны срочностью рейсов и ждать грузов не могли. Лишь потому, что частных пароходов плавало очень мало, их конкуренция была незначительна. Недостаток грузов и пассажиров ощущался не вследствие такой конкуренции, а в силу того, что было пущено в действие гораздо больше казенных судов, чем надо. Об этот спохватились черезчур поздно. Приехав в сентябре в Благовещенск, министр транспорта инженер А. Ф. Милеев приказал сдать в резерв несколько лишних пароходов и рассчитать их команды.

Результаты эксплуатации казенных пароходов (государственного водного транспорта) были еще плачевнее, чем пароходов частных, т. к. первым приходится возить в кредит пассажиров и грузы, главным образом, военного ведомства, ожидая неопределенное время расплаты за такие перевозки. Хабаровская группа казенных пароходов в предшествовавшую навигацію перевезла платных 2018 пассажиров и 56.021 пуд грузов, а в кредит 8964 пассажира и 253.867 пуд. грузов. Было выручено наличными деньгами с платных пассажиров 8041 р. и с грузов

33.107 р., всего 41 148 р., а осталось долгу за перевозку в кредит пассажиров 85.597 р. и грузов 174.318 р., всего 259.915 рублей, т. е. оплачено было только 16% перевозок. Платную работу давал, главным образом, нижний плес Амура.

Если, тем не менее, судоходство сделало в 1922 г. некоторые успехи в смысле увеличения работы пароходов по сравнению с навигациями предшествовавших лет, то сам водный путь по Амуру в нижнем плесе остался по-прежнему без всякого призора, создавая технические препятствия судоходству.

На всем протяжении от Хабаровска до Николаевска по ночам не было видно на берегах ни одного сигнального огонька, благодаря чему в темные ночи суда отстаивались на якоре.

Технический надзор и сторожевая служба вдоль Амура совершенно отсутствовали.

XIV.

Неограниченные запасы древесины в прибрежной полосе Амура эксплуатируются лишь в меру удовлетворения потребностей местного рынка в лесном материале и топливе. К обслуживанию заграничных рынков делают лишь слабые шаги.

Одно Николаевское лесничество (по данным Киселева) располагает возможностью, без истощения лесов, отпускать в год до 2 мил. куб. сажен древесины, а в действительности отпуск леса не превышает 30 тыс. кубов.

Так как вообще лес перевозится, главным образом, путем сплава, вниз по течению, то для леса низовьев Амура нет других рынков, кроме Николаевска. Лишь из ближайших к Хабаровску селений очень небольшое количество дров отправляется буксиром вверх по течению

в город. Да еще пароходы, идущие снизу, забирая дрова для топки своих котлов, часть их, которую не успели сжечь в пути, довозят до Хабаровска и выше по Амуру. Вот и весь лесной рынок данного района.

Тем не менее, если лес не дает казне дохода, то при крайней малочисленности населения прибрежной полосы, даже и такой ограниченный в своих запросах рынок представляется важным, доставляя регулярные заработки крестьянам. Лесной промысел тем выгоднее, что он приурочен к зимнему времени, не мешая населению отдаваться рыболовству и сельскому хозяйству. Между прочим, местные крестьяне, в оправдание своего пренебрежения земледелием, любят ссылаться на то, что им оно не сподручно в силу того, что уборка полей и огородов совпадала бы с сезоном лова рыбы и одно мешало бы другому. Лесной промысел не препятствует ни которому из них.

Создавшиеся летом 1922 г. условия лесного рынка в Николаевске могут достаточно характеризовать состояние лесопромышленности в низовьях Амура.

Весной 1922 года, когда в Николаевске начались постройки и в городе, и на рыбалках, то запасы лесных материалов на местном рынке оказались слишком малы и цены поднялись очень высоко. Плахи лиственничные и еловые 9 арш. длины, 5 вершков ширины продавались от 2 р. 50 к. зол. до 6 р. за штуку, смотря по толщине (от 1 до 2 вершков), брусья трехвершковые по 8 руб., тес от 1 р. до 1 р. 50 к., горбыли—наравне с тесом. На круглый лес спрос был слабый, однако и он доходил до 6—8 р. за бревно.

Но усиленный затем подвоз леса из Хабаровска, Благовещенска, с низовых пристаней по Амуру и с Амгуни вызвал переполнение лесного рынка Николаевска товаром и наступил кризис, а когда было об'явлено

об японской эвакуации, то все постройки в городе приостановились и на лес исчез на время всякий спрос.

В августе город был завален лесными материалами, не находившими никакого сбыта. Правда, некоторые из них не могли быть проданы еще по другим причинам. Так, напр., Госторг привез из Благовещенска самый неходовый сортимент пиленого леса.

Остановка сбыта отразилась убийственно на ценах, главным образом, круглого леса, т. е. из 4 лесопильных заводов в Николаевске два прекратили работу, а два остальных имели еще старые запасы бревен для распиловки.

Толстые бревна хвойных пород расценивались сперва по 1 р. 70 к. — 1 р. 80 к., затем цена упала до 1 р. 50 к. и даже до 1 р. 20 к. Плотовщики из села Верхне-Тамбовского в ожидании покупателей прожили в Николаевске около 2 мес. и в конце концов едва обменяли бревна на муку по расчету 1 р. 20 к. за бревно. Но, так как за муку надо было заплатить пошлину в Киселевке, то лес был фактически продан еще дешевле. Партия леса казенной заготовки из Хабаровска не нашла покупателей на цену 47 коп. кубофут. Владельцы складов пиленого леса, китайцы, держались иной тактики. Они сговорились не продавать сосновые доски дешевле 65—75 коп. за кубофут, намереваясь осенью обменять их более выгодно на соленую рыбу. Заготовщики леса по Амгуни предлагали бревна на месте по 60 к. за шт., т. е. по цене, которая не оправдывала даже себестоимости этого леса.

Дровяной рынок не испытал таких потрясений. В Николаевске дрова твердых пород продавались летом по 9—10 р. сажень (25—30 руб. за куб.). По пристаням на Амуре цена дров была крайне неустойчива и диктовалась, видимо, не объективным соотношением спроса и

предложения, а степенью нужды жителей того или иного села в данное время в деньгах. Поэтому, напр., в Вознесенском, где население побегаче, за дрова требовали 5 р. сажень, а в Троицком, где на род победнее, — только 3 р., хотя расстояние между этими селами всего 105 верст и условия сбыта дров совершенно одинаковы. В Тамбовской волости цена дров была от 3 р. 50 к. до 4 р.

По всем амурским пристаням дров заготовлено количество, далеко превышающее потребность пароходов в топливе. Остаются непроданными дрова еще старых заготовок (2—3 года тому назад). Некоторые селения расплачивались ими по своим старым долгам с кооперативами за соль и рыболовные снасти.

Себестоимость дров складывается из расходов на рубку их в лесу и на подвоз к берегу Амура с укладкой в штабеля. Так как денежных затрат заготовщики не несут, то дело сводится к вознаграждению за их труд и за корм лошадям. Местные крестьяне определяют стоимость рубки в 3—4 рубля с кубической сажени. Нагрузка в лесу, выгрузка на пристани и укладка оцениваются в 1—1 р. 20 к. Подвоз на лошадях — от 4 р. до 7 р. 50 к., смотря по расстоянию от лесосеки до берега Амура. В среднем, они определяют себестоимость куба дров в 9—10 рублей зол. Японцы в районе оккупации брали поценные с русских заготовщиков по 1,80 иен с кубич. сажени древесины. Только для осиновых чурок поценные исчислялись не по кубическому содержанию, а со штуки чурок (18 сев). Такая дешевка объяснялась, очевидно, тем, что чурки приобретались японскими экспортёрами и предназначались для Японии.

Заготовка дров жителями Николаевска сопровождалась нудной процедурой. В прошлую зиму вовсе не дозволяли, напр., рубить в окрестностях города. В марте

разрешили, но прежде осмотра заготовленных дров на месте японским лесничим вывозить их не позволяли. По доставке на дом—новый досмотр и клеймение, только тогда владелец мог распорядиться, наконец, своими дровами. В результате запрещения зимней заготовки дров жители сожгли все оставшиеся в городе от пожара столбы для проводов электрической станции, тротуары и прочее дерево.

В период оккупации японцы наладили через Николаевск экспорт Приамурского леса в Японию.

По собранным Малиновским сведениям об условиях экспорта осиновых чурок, заготовка их с доставкой на пристань обходится в 40 к. за штуку, поенные 18 к., доставка в Николаевск 45 к. (из них 10к. за буксирный пароход и 35 к. за баржу) и перевалка на морское судно 20 к., а полная стоимость одной чурки на борту парохода—1 р. 23 к. зол. Фрахт до Кобе падает на каждую чурку в размере 30 к. Следовательно, себестоимость ее в порту Японии—1 р. 53 к. Рыночная цена на лесных биржах Иокогамы и Нагасаки—40 к. за 1 вершок толщины чурки.

Успех вывоза за границу осиновых чурок пока проблематичен, потому что у Николаевска имеются опасные конкуренты в лице других портов русского Тихоокеанского побережья. Он, как вывозной порт, представляется менее выгодным, чем Владивосток (или, напр., Императорская гавань), т. к. фрахт из Николаевска вдвое дороже, чем из упомянутых портов, ибо океанские суда глубокой осадки не могут в Николаевске принимать полного груза. Поэтому они берут от Николаевска 30 сеп, а от Императорской гавани или Владивостока 15 сеп за каждую чурку до портов Японии. Эту разницу в 15 коп. зол. надо компенсировать за счет других слагаемых себестоимости чурок, иначе конкуренция станет непосильна.

Японцы делали опыты вывоза в 1921 и 1922 г. через Николаевск в Японию также пиленого леса хвойных пород, но это дело не получило еще развития.

XV.

Право рыболовства в низовьях Амура предоставлено, во-первых, местным жителям бесплатно в водах против их селений, во-вторых, всем русским подданным за арендную плату—в водах, не принадлежащих селениям, где отведены для рыболовства особые участки, в-третьих, иностранцам—в морских водах Амурского лимана, на основаниях, указанных в рыболовной конвенции, тоже за арендную плату.

Город Николаевск, сам не эксплуатируя принадлежащих ему 16 рыболовных участков, сдает их от себя в аренду. Крестьяне же и инородцы эксплуатируют участки сами, образуя для этого артели или группы и разделяя добытую рыбу между участниками.

Предметом массового лова является морская рыба лососевой породы кета и горбуша, которая по достижении половой зрелости входит из Охотского моря в Амур для метания икры в три приема: первой идет горбуша с двадцатых чисел июня до 3—8 июля; затем кета (так называемая летняя) с 10—15 июля в течение двух, иногда трех недель; наконец, кета осенняя с последних чисел августа в течение трех недель, иногда и дольше.

Больше всех ловится летней кеты (15—17 мил. шт., по статистическим данным довоенного времени), затем осенней кеты (7—8 мил. штук) и меньше всего горбуши (4—5 мил. штук).

Горбуша далеко вверх по Амуру не заходит, кета же достигает рек Усури, Тунгуски и других притоков Амура в районе Хабаровска, иногда заходит еще выше. Пока не развился в широких размерах лов рыбы

в лимане, кета проникала за Благовещенск до верхних притоков Амура.

Предельные пункты вверх по Амуру, каких достигает рыба, а также количество улова, каждый сезон изменяются в ту или другую сторону, при чем бывает, что, положим, летний ход кеты хорош, а осенний плох, или наоборот; в степени успешности лова играет роль горизонт воды в Амуре: в низкую воду рыба идет только фарватером, в высокую же, — где попало, даже протоками, почему и бывает труднее ее перехватить.

В прежние годы приблизительно две трети улова доставалось рыбалкам в лимане и до гор. Николаевска, а остальная треть — рыбалкам выше Николаевска. В последнее же время, вероятно, в связи с сокращением запасов рыбы и с усилением средств рыболовства в лимане, это соотношение изменилось не к выгоде промыслов выше Николаевска.

Из всего уловленного количества рыбы получается разных рыбных продуктов от 3 до 4 мил. пуд. в сезон. За вычетом местного потребления, на рынок поступает рыбных продуктов, в удачные сезоны, до $3\frac{1}{2}$ мил. пудов.

Наиболее ценный продукт дает осенняя кета, крупная, хорошо упитанная и наиболее икрная. Она живая весит 8—10 фунтов, тогда как летняя кета 5—6 фунтов, а горбуша 2—3 фунта. Практикуется два способа лова рыбы: 1) неводными тонями и 2) заездками, которые, в свою очередь, подразделяются на два типа — простейший (гиляцкий) и усовершенствованный (японский).

Заездки второго типа, принятого на всех крупных промыслах, состоят из заграждения, устраиваемого из свай или кольев от берега поперек реки (загораживать больше двух третей фарватера правилами рыболовства запрещено); на конце заездок загнут в форме буквы Г; на загнутой части устраивается из досок площадка для

рабочих и садок, состоящий из прочного невода, куда рыба, задержанная заездком, устремляется в поисках выхода; садок то отскакивает, чтобы впустить рыбу, то замыкается, чтобы рабочие приняли рыбу и перегрузили ее в баркасы, которые доставляют рыбу на берег для разделки; это устройство называется «способом»; для поднятия садка применяется механическая сила в виде ручной или даже электрической лебедки.

Крестьяне, инородцы и рыболовные рабочие артели ловят рыбу, главным образом, неводами и реже гильцкими заездками, представляющими собой комбинацию из неподвижного заграждения и невода.

В период японской оккупации распоряжение рыболовными участками, начиная селом Софийским и кончая остр. Сахалином, перешло к японскому командованию. Не вмешиваясь в крестьянское рыболовство, японцы присвоили себе право эксплуатации всех остальных участков, в том числе и принадлежащих городу Николаевску, а также морских (в конвенционных водах). Начиная от мыса Лазарева до Чхаоре было поставлено в 1922 г. на торги 24 участка, от Пронге до Мого 24 (в том числе 12 городских, а остальные 4 отданы были без торгов), от Толуса до Табаха 7, от Мало до Софийска 19, кроме того в Ныйском районе от Пильво до Берягая 22 и в Татарском проливе 9 тресковых и краббовых участков.

Но торги производились лишь для соблюдения формы. Фактически произошло простое распределение участков между японцами и теми русскими рыбопромышленниками, которых японцы взяли себе в компаньоны или которых они финансируют другим способом. А в такое положение попали все старые николаевские промышленники, которые в погром 1920 г. потеряли ценности, имущество, орудия промысла и склады рыбных продуктов, приготовленных на продажу и были бессильны вернуть

ся к прежней деятельности без японской помощи. По предварительному взаимному соглашению никто на торгах не конкурировал и участки оставались за теми, кому они заранее предназначались, с надбавкой против оценочной цены 1 иены. Лишь один участок стал предметом соревнования и он прошел за арендную плату в несколько раз выше оценочной.

Следует, впрочем, отметить, что переход аренды из рук в руки сопряжен с обязательством для нового арендатора выкупить постройки и все оборудование, имеющееся на данном промысле. Поэтому не каждому по силам выступать на торгах конкурентом на хорошо обставленные рыбалки.

Оценка участков на этот раз была самая скромная, именно, от 70 иен до 10 тыс. иен (по 10 тыс. шли только участки Озерлах и Пуер). Оба они, а также Тебах, остались за фирмой Люри, за арендную плату 22 тыс. иен, тогда как в 1916 г. та же самая фирма платила за них 195 тыс. руб. зол. Три или четыре городских участка были предоставлены бесплатно Перельштейну, компаньону Симада, прежнему их арендатору, в качестве компенсации за разгром его рыбалок в 1920 г.

Система покровительства и даже благотворительности, практиковавшаяся японцами при раздаче участков, на ряду с отрицательными сторонами, имела одну положительную сторону. А именно, за счет экономии на арендной плате промыслы в два года заново обстроились и оборудовались, некоторые даже лучше прежнего.

Капитал в данном случае затрачен производительно и для России выгодно, т. е. созданы новые орудия производства на русской территории. Из них пока извлекают выгоды, главным образом, японцы, но русские промышленники, получая на свою долю часть барышей, скапливают капиталы и живут надеждой как можно

скорее избавиться от японского финансового патроната, так что в будущем орудия производства, созданные при помощи японцев, должны перейти в русские руки.

Существуют правила, регулирующие технические приемы рыболовства в целях предотвращения истребления рыбных богатств. А риск их исчезновения велик. Он слишком наглядно доказан тем, что Волга, и др. реки Европ. России обезрыбели безнадежно и что в Америке и Японии этого не случилось лишь потому, что там во время спохватились, приступив к искусственному разведению рыб ценных пород, т. к. естественное возобновление рыбных богатств в этих странах прекратилось вследствие усиленного лова. Ученые исследователи жизни кеты (Солдатов и др.), утверждают, что не больше 10% икры, оставляемой в Амуре и его притоках кетой, дает мальков, остальное количество икры пожирается хищниками водного царства, вымерзает зимой, если икра помещена на отмелях, и погибает от др. причин. Затем, когда весной выведутся мальки и их течением сносит в море, то в пути много их достается в пищу другой рыбе. Таким образом, естественному приросту количества кеты в Охотском море поставлено много преград. Запасы ее гораздо легче восстанавливать путем искусственного разведения, т. к. при нем из икры получается до 90% мальков, а гибнет их в периоде этого процесса лишь 10%. Близ Николаевска существовал с 1909 года рыбопроизводный завод Лаврова, покровительствуемый правительством. Он разгромлен в 1920 году вместе с промыслами.

Во время пребывания экспедиции в Николаевске к ней поступил ряд заявлений о хищнических способах, практикуемых японскими рыбопромышленниками. Считая вопрос важным, часть экспедиции в составе Рачковского, Киселева и Яворского в сопровождении группы рыбопро-

структура рыболовства М. С. Алексина) совершила поездку на рыбалки в лимане. Осмотром их установлено, что нарушений технических правил рыболовства нет, но число заездов оказалось втрое больше (31 вместо прежних 11), чем это раньше допускалось, кроме того, нарушения японцами запрет лова рыбы в заповеднике у острова Лангра, где занялись ловом и сами японцы, и русские рабочие артели, снабженные японцами неводами с тем, чтобы весь улов сдавать им за определенную плату.

В 1922 г. из более крупных рыбопромышленников в Амурском лимане работали следующие:

1) Торговый дом Люри, которому принадлежат три самых больших по количеству добываемой рыбы промысла и сфера промысловой деятельности которого распространяется вверх по Амуру до села Мариинского, благодаря чему эта фирма дает рынку примерно четверть всего количества рыбы, ловимой в Николаевском районе. Люри финансируется японской фирмой Накаяма.

2) Миллер, которому, кроме рыбалок, принадлежат уцелевшие от погрома 1920 года консервный завод и рефрижиратор. Его финансирует Симада.

3) Братья Курлянские (финансирует их японская фирма Миякава).

4) Капцан (финансирует Сакамота).

5) Симада (японец) и работающие при его поддержке русские промышленники Русинштейн и более молкие.

6) Рыбопромышленное товарищество (участники Вейнерман, Тоназ, Гройсман, Белокопытов, Аржелик и Лерман). Это — единственное предприятие, где не участвует японский капитал; оно финансируется из Харбина.

Кроме рыбопромышленников имелась группа крупных скупщиков рыбы, не имевших собственных рыбалок или не эксплуатировавших их в этом году.

мышленников и приглашенного специалиста (быв. ин-
Сюда относились Русско-Азиатский банк, Накаяма,
Миякава, Сакамота, Капанадзе, Гелашвили, Шелудяков
из Благовещенска бр. Вейнерман, москвичи Бараковы,
перенесшие свою торговлю во Владивосток, и Мореходов
(специально скупают икру).

Большая часть рыбы в сезон 1922 года засолена по
японскому способу и предназначена для японского рынка.

Японский способ отличается от русского тем, что
рыба засаливается не в бочках и без рассола, в сухом
виде, и очищается небрежнее. Получается продукт худ-
шего качества, чем при засоле русским способом. Зато
он дешевле продается.

Если бы представилась возможность найти рыбе
сбыт на русских рынках, то и сами японцы предпочли
бы русский засол, чтобы выгоднее продать товар. Но хо-
дившие слухи о планах крупных закупок рыбы для Си-
бири и Европ. России не оправдались. Никаких заказов
оттуда не поступало, очевидно, по отсутствию на это
денег. За пределами ДВР спроса на рыбу не было. Даже
из Читы не являлось покупателей. А сами рыбопромыш-
ленники не рискнули посылать туда товар, не зная ни
условий рынка, ни платежной способности потребитель-
ских масс. В результате закупки были произведены толь-
ко для Благовещенска. В Хабаровске сколько нибудь
значительных партий продать оказалось некому. Выясни-
лось, что в данное время японский потребитель способен
щедрее оплатить продукт, чем русский потребитель,—и
рыба пошла в Японию. Русского засола рыба требовалась
во Владивосток, в Шанхай и в Харбин.

При таких условиях рыбопромышленность Николае-
евского района вернулась к положению, существовавшему
до 1902—1903 годов, когда в ней тоже господствовал
японский капитал и продукт вывозился преимущественно

в Японию. Потом был период, когда на кету явился усиленный спрос из России, вывоз туда соленой рыбы достигал 1 милл. в год и икры—300 тыс. пуд., в Сибирь—800 тыс. пуд. и в Забайкалье—400 тыс. пудов, на долю же японских рынков доставались небольшие остатки. В ту пору и промышленность Николаевского района обрусела, т. к. в нее стал вливаться русский капитал из Москвы и др. центров, вытесняя капитал японский.

В будущем этому процессу суждено, конечно, повториться, но в данное время русское рыбное богатство снова очутилось в японских руках.

Обслуживание внутренних рынков пока перешло в руки ловецкого населения Амурского побережья. Для Благовещенска, напр., Шелудяков сделал крупные закупки у крестьян. От них же рассчитывает получить рыбу кооперация.

Здесь следует отметить, что засол рыбы на крестьянских и арендаторских рыбалках по сю сторону Киселевской таможенной заставы обошелся в 1922 г. дороже, чем в районе Николаевска, на разницу цены Иркутской соли в Хабаровске (1 р. 60 к. зол.) и заграничной соли в Николаевске (90 к. з.), что составляло на каждую бочку соленой рыбы лишние 4 рубля. Эту разницу устранить оказалось невозможным, т. к. если выписать соль из Николаевска, то пошлина и фрахт обошлись бы в 50 коп. на пуд.

Переход снабжения рыбой внутренних рынков в руки ловцов, работающих выше Николаевска, связан с ухудшением качества продукта, т. к. кета поднимается вверх по течению все время голодом, истощаясь и от него, и от напряжения сил. Чем выше она заходит, тем она бывает истощеннее. Выметав икру, самки теряют остатки сил и умирают. Тоже происходит с самцами

после оплодотворения икры. В море никто уже не возвращается. До рыбалок в районе Хабаровска рыба идет около двух недель. Она достигает их исхудалая и потерявшая жир.

В августе (до осеннего хода кеты) на рынке фигурировала главным образом горбуша (русского засола), т. е. летний ход кеты был в высшей степени слабый; рыба дальше 50—60 верст вверх от Николаевска совсем не ловилась, а низовые рыбалки наловили ничтожное количество по сравнению с нормальным. По русскому способу (в бочках) засолили ее очень мало.

По данным арендатора городских участков А. М. Перельштейна, себестоимость горбуши на промыслах определялась приблизительно в 5 сен за штуку, фрахт до портов Японии (непомерно высокий по причине недостатка тоннажа) падал на каждую штуку горбуши расходом около полутора сент., нагрузка и выгрузка стоили один сен и тара (ящик на 100 штук рыбы) тоже один сен. Таким образом, себестоимость рыбы с доставкой в Японию составляла восемь с половиной сен.

Цена соленой горбуши, продаваемой в Японию, при отправке первых партий была 27 сен за штуку, вторые партии прошли по 14 сен, а затем предлагалась цена всего 6 сен.

Такое резкое падение цены объяснялось наступлением в Японии жаров, когда рыба сухого засола портится, а ледников для ее хранения в Японии нет.

Поэтому рыбопромышленники выжидали осени, воздерживаясь от продажи рыбы. На осень и зиму виды были хорошие, так как улов рыбы на Камчатке летом оказался плохой; кроме того, в Японии случился неурожай риса, который должен был обострить продовольственный вопрос и вызвать усиленный спрос на рыбу.

В Николаевске цены в августе были такие: кета летняя русского засола—1,80—2 иены, горбуша соленая 1,20 иен, икра 4 иены за пуд.

В рыболовный сезон 1923 г. на промыслах Николаевского района было занято до 12 тыс. рабочих, в большинстве русских, затем японцев и китайцев. Последних вообще неохотно нанимают на рыбалки, т. е. китайцы, по словам рыбопромышленников, «боятся воды».

Рабочие, по установившемуся обычаю, нанимаются на своих харчах, но хозяева должны снабжать их продуктами по заготовительной цене в счет жалованья. В этот сезон платили в июне 35 р., в июле 45, в августе 65. В предшествовавшем году платы были от 60 до 100 рублей. Падение заработной платы объяснялось большим предложением на этот раз рабочих рук, т. е. японцы перестали ставить препятствия въезду в зону оккупации, чем поспешили воспользоваться скопившиеся в Хабаровске, Благовещенске и Харбине безработные; туда же направились рабочие с золотых приисков Приамурья после того, как там иссякли запасы продовольствия, и кроме них еще разные темные личности из дезертиров и уголовных, укрывшихся в японскую зону от карающей руки.

Избыток рабочих наниматели использовали двояко. Они не только сбавили жалованье, но еще приняли систему найма не на весь сезон, а лишь на период каждого хода рыбы, после которого часть рабочих рассчитывали.

Условия труда на рыбных промыслах, по самому характеру производства, крайне тяжелы. Если на пашне и покосе требуется работать «от зари до зари», то во время хода рыбы недопустим даже маленький перерыв в работе. Поэтому, если штат рабочих ограничен, дело доходит до 20 часового рабочего дня.

Помещения для жилья рабочих, опять таки в связи с условиями производства (краткость сезона и совпадение большей его части с теплым временем), почти на всех промыслах неудовлетворительны.

Рабочая масса на рыбалках лишена профессиональных организаций. В случае конфликтов с вахматерами выступали лишь отдельные группы недовольных данного промысла. На рыбалке Миллера подготовлялась забастовка. Конфликт разрешился в пользу рабочих: они добились прибавки жалованья.

Кета и горбуша являются гастролерами Амура. Но он весьма богат и собственной рыбой разных пород, в числе их таковой ценной, как осетр. Но местная рыба используется лишь для местного же потребления. Даже попыток организовать вывоз ее на другие рынки не делалось. Между тем, например, щука, сазан, карась, лещ из озер Монголии, расположенных близ К. В. ж. д., находил свободный сбыт зимой в замороженном виде в Зап. Сибирь и Европ. Россию и эта рыба отправлялась туда в количестве до 300 тыс. пуд. ежегодно.

Только весьма небольшое количество осетрины и совсем крохотное количество осетровой икры экспортируется в Харбин и Владивосток. Остальное рыбное богатство низовьев Амура остается совершенно не использованным для продажи рыбы на сторону. При этом прибрежное население как будто нарочно стремится истребить самое ценное, именно, осетра. Членам экспедиции пришлось наблюдать под'езжавшие к пристаням в Тамбовской волости лодки, нагруженные молодняком осетра (длиной каждая рыба не больше трех четвертей).

Лов осетров, калуги и др. местной рыбы производится преимущественно зимой через проруби. В остальное время года рыба ловится только в меру надобности для собственного стола и для снабжения базаров Хаба-

ностью, вероятно, до 2 мил. рублей. Драги требуют ремонта.

Добываемое на приисках Кербинской группы шлиховое золото славится высокой пробой (до 96%) и расценивается не дешевле 5 руб. золотник, тогда как золото других районов продается на месте от 3 до 4 руб. за один золотник.

Среднее содержание золота в 100 пуд. песка—50 долей.

Из многочисленной группы приисков Кербинского района, тянувшихся на протяжении 40 верст, были сданы в 1921 году в аренду Попову 3 прииска, Аккерману 8 и Забиновым 2 на условии отчисления в пользу казны по 8% добытого золота при хозяйских работах и 12%—при старательских.

На одном из приисков Забиновых золото крупное, попадаются самородки.

Финансируемый японской фирмой Хокуя (в Николаевске) арендатор Попов запутался в делах и отказался от аренды, прекратив работы, Аккерман же и Забиновы (прежние владельцы приисков) получили поддержку от Катаоки и Миаэоки. Они рассчитывали намыть в операцию 1922—1923 г.г. до трех пудов золота.

Кроме этих лиц сдано в аренду Беляевскому и Фонды 4 других прииска.

На некоторых приисках, принадлежавших Амгунской К^о, горная инспекция застала лишь по 6—8 старателей, все остальные покинули тайгу вследствие отсутствия с'естных припасов. Общая же цифра старателей и хозяйских рабочих на приисках Кербинской группы в середине августа составляла 100—120.

Большая группа Удинских приисков включает в себя прииски, принадлежащие Мордину, Зеленину, Моделю, Боброву, Силиву, Маркевичу, Киму и др. золотопро-

мышленникам. Эти прииски бездействуют, исключая двух, временно эксплуатируемых допущенными, в качестве арендаторов, китайцами.

Один из них, получив аренду в феврале 1922 года, приступил к работе лишь в июне и привлек на прииск только 9 рабочих. Другой арендатор имел в августе 12 рабочих, но он озаботился завозом в тайгу провианта в расчете на то, что зимой число рабочих увеличится.

Казна свободных приисков в данном районе не эксплуатировала.

Но старые владельцы проявили интерес к приискам Удинской группы. Золотопромышленник Зеленин возбудил ходатайство о передаче ему в аренду прежнего его прииска и двух чужих, бывших Мордина, а также об отводе ему одной еще ранее за столбленной Зелениным новой площади.

Ходатайствовал об аренде своего старого прииска еще один золотопромышленник, местный крестьянин.

На отдельной группе приисков Удинской системы, принадлежащих Генрихсену, куда путь лежит от деревни Демьяновки (пристань на Амгуни), велись хозяйские работы арендатором Поповым, правопреемником покойного Генрихсена, его тестя. Но работы прекратились по отсутствию продовольствия для рабочих.

Обследование Лимуринских (Киселевских), Удыльских, Удинских и Кербинских приисков убедило в том, что, при данных условиях, оживление золотопромышленности всецело зависит от образования продовольственных баз в тайге. Если они есть, то вполне обеспечен и приток на прииски старателей в любом количестве. А при их наличии золото добывается, казна получает доходы натурой и можно спокойно переждать, пока наладится аренда приисков капиталистами или государство само возьмется за разработку золотоносных площадей.

На север от нижнего течения Амура, недалеко от г. Николаевска, существовал также крупный золотопромышленный центр в бассейне озер Орель и Чля.

Это самый молодой в Сибири золотопромышленный район, т. к. 100-верстная приморская полоса была запретной долгое время.

Озера Орель и Чля соединены с Амуром тремя протоками, из которых Пальвинская имеет минимальную глубину 6 фут. Ею пользуются не только для снабжения приисков, пароходами, но и для вывоза леса сплавом. Расстояние озер от Николаевска (по воде) 60—68 верст. Прииски расположены по ключам в верховьях озер по направлению к берегу Охотского моря. От крайнего к северо-востоку прииска Сретенского до моря всего 25 верст.

В этом районе работали Орская К⁰ (Надецкий и Степанов), Амурско-Орельская, Тибленская, Ниманская, Чурин, Курбатов и др. Орская К⁰ добывала двумя драгами 70% всего количества золота, получавшегося в этом округе. Прииски ее были богато оборудованы электричеством. Несмотря на это, дела Орской К⁰ пришли в расстройство, дело перешло в руки кредиторов и досталось Русско-Азиатскому Банку, а он передал предприятие американцам. (Партизаны Тряпицына разгромили потом прииски, обе драги взорвали.) Такая же участь постигла и др. прииски этого района. Всякие работы прекратились. Но в бортах и отвалах предполагается много золота.

Весной 1921 г., по словам золотоискателя Субботина, туда приезжал инженер Койвес, называвший себя представителем иностранной компании. Потом в Николаевске ходили слухи, что японцы с американцами делали какие-то шаги к возобновлению работ по добыче золота в этом районе.

Отсюда можно сделать догадку, что та американская компания, к которой перешло дело Надецкого и Степанова от банка, стремится возобновить свою деятельность.

К сожалению, не удалось собрать сведений, как поступили японцы в отношении золотопромышленности в бассейне озер Орель и Чля. Но уполномоченный отдела промышленности Малиновский узнал, что по р. Тумнину к югу от оз. Кизи (там раньше работал золотопромышленник Л. Клок) добывали золото корейцы в компании с японскими военными из гарнизона сел Мариинского или Софийского и что золото там богатое.

Из старых владельцев приисков Орельской системы Уваровский и Слепцов возбудили перед горной инспекцией ходатайство об аренде.

Кроме вышеперечисленных золотопромышленных районов существовали прииски и в др. пунктах. Разрабатывался Моделем прииск на самом берегу Амгуни, по впадающему в нее ключу на 103 версте от устья реки. Братья Урманчевы владели до 1919 г. прииском и добывали золото близь Маго по ключу, впадающему в Пальвинскую протоку. Они желают получить его обратно.

Западный склон хребта Сихота-Алинь, по своему геологическому строению, не считается золотосным. Однако, существование прииска по р. Тумнину говорит о том, что и там встречается золото. Но имеются и другие данные такого же рода. Именно, областному эмиссару Масленникову донесли, что отряд партизан спугнул в районе села Яковлевки, Спасского уезда Приморской области, артель китайцев и корейцев, хощнически добывавших золото в бассейне р. Даубихе. Уполномоченному Девиатову рассказывали, что в Иманском уезде, по речке Седьмой, впадающей в Уссури, в районе села Вяземского, некто Горлов открыл золото и застолбил площадь. По р. Тудур, в нескольких верстах от села Малмыжского

(251 вер. от Хабаровска вверх по Амуру), обнаружено золото и находятся предприниматели, желающие получить там отвод. Областное управление намеревалось произвести там разведку, чтобы установить золотоносность этой местности.

онъ же и въ 1812 году отъ Захарова въ разгнѣваннѣ (Амуръ) одержано
было въ извѣстномъ предѣлѣ и тѣмъ же въ 1812 году въ
тѣхъ же предѣлахъ извѣстно извѣстно извѣстно извѣстно
и тѣмъ же въ 1812 году отъ Захарова въ разгнѣваннѣ (Амуръ) одержано

> —

Низовья Амура

накануне эвакуации.

(По материалам правительственной экспедиции и корреспонденциям газеты „Вехи“).

Под редакц. Г. В. Гончара.

Содержание:

Экспедиция в Низовья Амура.—Встречи с японцами и американцами.—Организация комитета.—Николаевская общественность.—Политические настроения.—Японский режим.—Японские вооруженные силы.—Застройка Николаевска.—Жилищный вопрос.—Николаевский порт.—Сельское хозяйство.—По Амуру и Амгуни.—Денежное обращение, торговля, рыбопромышленность, золотопромышленность, лесное дело, охотничий промысел, кустарные промыслы. Средства сообщения.

В тексте планы:—застройки Николаевска, Амурского лимана и района золотопромышленности.

ИЗДАНИЕ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ

Исследования в области истории и культуры
Хабаровского края (Восток)
Под редакцией Т. В. Лопухиной

СОДЕРЖАНИЕ

Знакомство с Хабаровским краем — Восток
и восточными и западными — Орта
научные комиссии — Хабаровская область
статистика — Пятилетние планы развития
Хабаровского края — Развитие хозяйства
на территории — Застойная экономика —
Жизненный вопрос — Хабаровский порт
— Сельское хозяйство — Во время и в
трудные времена — Развитие торговли
рыболовства — Развитие промышленности
и культуры — Развитие культуры — Развитие
культуры — Развитие культуры — Развитие

БИБЛИОТЕКА

ХАБАРОВСКОГО КРАЕВОГО

ГОС. МУЗЕЯ

Опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Следует
58	26	200 иен	20 иен
73	26	Русинштейн	Рубинштейн
73 и 74		Первая строка 74-й стран. относится к 73-й стран, где ее не хватает в самом начале.	
79	19	XV	XVI
89	1	вверх	вниз

